

И·А·БУНИН

СОБРАНИЕ СОЧИНЕНИЙ
ТОМ ВОСЬМОЙ

ОКЯННЫЕ ДНИ
ВОСПОМИНАНИЯ
СТАТЬИ
И
ВЫСТУПЛЕНИЯ
1918 - 1953

МОСКОВСКИЙ РАБОЧИЙ
2000

И. А. Бунин. 1938

ДНЕВНИК 1917—1918 гг.

Глотово. 1 августа 1917 г. Хорошая погода. Уехала Маша. Отослал книгу Нилуса Клестову. Письмо Нилусу. Низом ходил в Колонтаевку. Первые признаки осени — яркость голубого неба и белизна облаков, когда шел среди деревьев под Колонтаевкой, по той дороге, где всегда сыро.

Слух от Лиды Лозинской, — Ив. С. в лавке говорил, что на сходке толковали об «Архаломеевской ночи» — будто должна быть откуда-то телеграмма — перебить всех «буржуев» — и что надо начать с Барбашина. Идя в Колонтаевку, зашел на мельницу — то же сказал и Сергей Климов (не зная, что мы уже слышали, что говорил Ив. С.): на деревне говорили, что надо вырезать всех помещиков.

Позавчера были в Предтечеве — Лихарев сзывал земельных собственников, читал устав «Союза земельных собственников», приглашал записываться в члены. Заседание в школе. Жалкое! Несколько мальчишек, Ильина с дочерью (Лидой), Лихарев (Коле сказал — «риторатор»), Влад. Сем., Коля, я (только в качестве любопытного), что-то вроде сельского учителя в старой клеенчатой накидке и очках (черных), худой старик (вроде начетчика), строгий, в серой поддевке, богач мужик (Коля сказал — Саваоф), рыжий, босый, крепкий сторож училища. У всех последних страшное напряжение и тупость при слушании непонятных слов устава. Приехал Абакумов, привез бумаги на свои владения, все твердил, что его земля закреплена за ним, «остолблена его величеством». Думал, что членские взносы пойдут на «аблакату» (долженствующего защищать интересы земельных собственников).

Генерал Померанцев, гостящий у Влад. Сем., замечательная фигура.

Абакумов вернулся вместе с нами, возбужденный. «Ну, записались! Теперь что-то даст Бог!»

2 августа. Очень холодное, росистое утро. Юлий и Коля ездили в Измалково.

День удивительный. В два часа шли на Пески по саду, по аллее. Уже спокойно, спокойно лежат пятна света на сухой земле, в аллее, чуть розоватые. Листья цвета заката. Оглянулся — сквозь сад некрашенная железная, иссохшая крыша амбара блестит совершенно золотом (те места, где стерлась шелуха ржавчины).

Перечитывал Мопассана. Многое воспринимаю по-новому, сверху вниз. Прочитал рассказов пять — все сущие пустяки, не оставляют никакого впечатления, ловко и даже неприятно щеголевато-литературно сделанные.

Был Владимир Семенович. Отличный старик! Как Абакумов, не сомневается в своем пути жизненном, в своих правах на то и другое, в своих взглядах! Жалуется, что революция лишила его прежних спокойных радостей хозяйства, труда.

3 августа. Снова прекрасный день, ветер все с востока, приятно прохладный в тени. На солнце зной. Дальние местности в зеленовато-голубом тумане, сухом, тончайшем.

Продолжаю Мопассана. Места есть превосходные. Он единственный, посмевавшийся без конца говорить, что жизнь человеческая вся под властью жажды женщины.

В саду по утрам, в росистом саду уже стоит синий эфир, сквозь который столбы ослепительного солнца. До кофе прошел по аллее, вернулся в усадьбу мимо Лозинского, по выгону. Ни единого облачка, но горизонты не прозрачные, всюду ровные, сероватые. Коля, Юлий, я ездили в Кочерево к Ф<едору> Д<митриевичу> за медом. Возвращались (перед закатом), обогнув Скородное. Разговор, начатый мною, опять о русском народе. Какой ужас! В такое небывалое время не выделил из себя никого, управляется Гоцами, Данами, каким-то Авксентьевым, каким-то Керенским и т.д.!

4 августа. Ночью уехал (в Ефремов) Женя. Почти все утро ушло на газеты. Снова боль, кровная обида, бессильная ярость! Бунт в Егорьевске Рязанской губернии по поводу выборов в городскую думу, поднятый московским большевиком Коганом, — представитель совета крестьянско-рабочих депутатов арестовал городского голову, пьяные солдаты и прочие из толпы убили его. Убили и товарища городского головы.

«Новая жизнь» по-прежнему положительно ужасна! Наглое письмо Троцкого из «Крестов» <?> — напечатано в «Новой жизни».

День — лучше желать нельзя.

Если человек не потерял способности ждать счастья — он счастлив. Это и есть счастье.

8 августа. Шестого ездил в Каменку к Петру Семеновичу. Когда сидели у него, дождь. Он — полное равнодушие к тому, что в России. «Мне земля не нужна». «Реквизиция хлеба? Да тогда я и работать не буду, ну его к дьяволу!»

Погода все время прекрасная.

Нынче ездили с Колей в Измалково. Идеальный *августовский* день. Ветерок северный, сушь, блеск, жарко. Когда поднимались на гору за плотиной Ростовцева, думал, что бывает, что стоит часа в четыре довольно высоко три четверти белого месяца, и никто никогда не написал такого блестящего дня с месяцем. Люблю август — роскошь всего, обилие, главное — огороды, зелень, картошка, высокие конопля, подсолнухи. На мужицких гумнах молотья, новая солома возле тока, красный платок на бабе...

Колю подвез к почте, сам ждал его возле мясной лавочки. Возле элеватора что-то тянут — кучка людей сразу вся падает почти до земли. Из южного небосклона выступали розоватые облака.

Поехали домой — встретили на выгоне барышню и господина из усадьбы Комаровских. Он весь расхлябанный по-интеллигентски: болтаются штаны желтоватого цвета, кажется, в сандалиях, широкий пояс, рубаха, мягкая шляпа, спущены поля, усы, борода — à la художник.

9 августа. Ездили с Верой в Предтечево. Жаркий дивный день. Поехали к Романовским за медом, не доехали — далеко чересчур мост, повернули назад, поехали к Муромцевым. <...>

11 августа. С утра чудесный день. Вера не совсем здорова, опять боль, хотя легкая, там же, где в прошлом году, и под ложкой. Беспокойное темное чувство.

Перед вечером к Федору Дмитриевичу на дрожках — я, Коля, Юлий. Потом кругом Колонтаевки. Тучи с запада. В лесу очень хорошо, я чувствовал тайный восторг какой-то, уже чувствуется осенняя поэзия. Дорога в лесу и то уже осенняя отчасти. Когда выехали на дорогу — грандиозная туча с юга, синяя. Ливень захватил уже на дворе.

Дней десять тому назад начал кое-что писать, начинать и бросать. Потом вернулся к делу Недоноскова. Нынче уже опять почувствовал тупость к этой вещи.

13 августа. Как и вчера, день с разными тучками и облаками, — небом <?> необыкновенной красоты. Вчера опять ездили с Колей к Федору Дмитриевичу за медом. Умиляющее предчувствие осени.

Нынче Коля уехал в Ефремов. Совсем уехала кухарка с детьми, с Жоржиком. Я возле телеги шутил с ним, целовал

(как не раз и прежде) — они уехали, даже головой не кивнув. Животные!

Ходили с Юлием к Вас <...> Дежурному. Заходили тучи, была жара. Потом разошлось, прелестная погода. Сидели в лощинке, читали газету. Потом по деревне. Грязь, все развалено. Собственно, никто ничего не делает почти круглый год. А Шмелевы лгут, лгут про русский народ!

Кажется, одна из самых вредных фигур — Керенский. И направо и налево. А его произвели в герои.

Читал «Наше сердце».

«Хвост и уши отрубить (собаке) — злей будет». Как глупо!

14.VIII. Проснулся от юношески сильной эр<...>, — сон, что мне отдалась в первый раз какая-то девушка, чарующая какой-то простой прелестью.

Девка на варке что-то работает лопатой железной — заносит высоко и ставит ногу на лопату — видел это, выйдя на двор днем, и волновался.

Кончил «Наше сердце». Искусно, местами очень хорошо, но остался холоден. Так длинно и все об одном и в конце концов пустяковом. Герой совсем не живой и не заражает сочувствием, героиня видна, но тоже как будто неживая.

Утром немного <работал> над «Любовью», немного так — одесское утро (начало — чего, еще не знаю).

Облака и солнце. После обеда я, Юлий и Вера в Колонтаевку. Жара. Вера после болезни еще — прозрачней, что ли. Зашел в контору, там наговорил глупостей с Каблуковым и Дм. Алекс., взял «Раннее утро». Прочел первый день московского совещания. Царские почести Керенскому, его речь — сильно, здорово, но что из этого выйдет? Опять хвастливое красноречье, «я, я» — и опять и направо и налево. Этого совместить, вероятно, нельзя. Городской голова — Руднев! до сих пор не могу примириться! — приветствует совещание, а управские курьеры хулиганят в знак протеста против этого «контрреволюционного» совещания — вылили чернила из всех чернильниц — и управа не работала! Зайчик (солдат наш), «как капля солнца», отражает в себе все главное русское демократии (тот, что прогнал девиц из Ельца, переписывавших хозяйство мужиков, и кричал, чтобы мужики, выбиравшие представителей на выборы в церковный собор, не подписывались — «вас в крепостное право хотят обработать»).

К вечеру свежий ветер с юга, тучи. Лежал на соломе. Облака на восточном горизонте изумительны. Гряды, горы бледно, дымчато лиловатые (сквозь них бледность белизны внутренней) — краски невиданной у нас нежности, южности.

15 августа. Весь день с небольшими перерывами сильный прямой дождь (обрушивался еще ночью, я слышал сквозь сон). Бахтеяровская сторона как в дымке. Все еще очень зелено и густо, поэтому похоже на летний дождь.

Засыпая вчера, обдумывал рассказ. Конец 20-х годов, Псковская губерния, приезжает из-за границы молодой помещик, ездит к соседу, влюбляется в дочь. Она небольшая, странная, ко всему безучастная. Чувствует, и она его любит. Объяснение. «Не могу». Почему? Была в летаргии, побывала в могиле. Нынче другой рассказ. А <h>гличанка с термосом. Всюду встречаю — Бренер-Пасс, Алжир, Сицилия, Рим, потом Асуан. Умирает на Элефантине в чахотке. Всю жизнь мыкалась, весь мир «very nice»*. Нехороша; как ребенок, радостна.

На висячей зелени-хвое за окном висят бисером стеклянные капли. Плещет желоб. Статья Кусковой. «Репрессиями не поможешь. Нужно просвещать деревню. Футбол и т.д.».

16 августа. Шипит сад, волнует, шумит дождь. Ветер, дождь часто припускает. Читал Мопассана, потом Масперо о Египте, — волновался, грезил, думая о путешествии Бауку в Финикию, потом читал Вернон Ли и думал о Неаполе, Капри, вспоминал Флоренцию.

Высунулся в окно. Сорочка со скребом когтей перебралась через потемневший от дождя забор из сада и пробежала мимо окна, улыбнувшись мне дружески, сердечно и заматав хвостом. Как наши души одинаковы!

17 августа. День прекрасный. Много гуляли с Юлием. Часу в пятом пошли мимо кладбища, потом по лугу в лес, называемый нами «Яруга».

Ночь лунная. Гуляли за садом. Шел по аллее один — соломенный шалаш и сад, пронизанный лунным светом, — тропинки. Лунный свет очень меняет сад. Какое разнообразие кружевной листвы, ветвей — точно много-много пород деревьев.

18 августа. В час уехал Юлий — в Москву. Лето кончилось! Грусть, боль, жаль Юлия, жаль лета, чувство горькой вины, что не использовал лета лучше, что мало был с Юлием, мало сидел с ним, катался. Мы вообще, должно быть, очень виноваты все друг перед другом. Но только при разлуке чувствуешь это. Потом — сколько еще осталось нам этих лет вместе? Если и будут эти лета еще, то все равно остается их все меньше и меньше. А дальше? Разойдемся по могилам! Так больно, так обострены все чувства, так остры все мысли и воспоминания! А как тупы мы обычно! Как

---

* «очень мил» (англ.).

Мой дорогой Мигарь,
подъез В. Смоленский б/к
для меня болель, сейчас
сидит и во болель
кудур, какой предлог
Ваме кутур (если ер ока-
шефен Ваат итсеер) ками-
ножас сабрание етас ку-
киа, итание во болель
голате во лейпциге.
Адрес его - 45, avenue
général Michel Bizot
Paris. 12, tel. Did 20 15
Сердечный привет,
Ив. Букин

спокойны! И неужели нужна эта боль, чтобы мы ценили жизнь?

Читаю эти дни Вернон Ли «Италия». Все восторгается, все изысканно и все только о красивом, о изящном — это скоро начинает приводить в злобу.

20 августа. Большинство женщин беспокойно мучается недовольством своей жизнью, ищет «цели жизни», изменяет или ждет любовников в надежде, что тогда придет счастье — почему? Оне растут, оне воспитываются в сознании, им всячески внушают, что оне непременно должны быть счастливы, любимы и т.д.

Чем я живу? Все вспоминаю, вспоминаю. Случалось — увидишь во сне, что был близок с какой-нибудь женщиной, с которой у тебя в действительности никогда ничего не было. После долго чувствуешь себя связанным с нею жуткой любовной тайной. Не все ли равно, было ли это в действительности или во сне! И иногда это передается и этой женщине.

Вчера ездили с Верой на шарабане кататься — к Крестам, потом в Скородное и вокруг него — обычная дорога, только наоборот. День был прекрасный. Когда выехали, поразила картина (как будто французского художника) жнивья (со вклиненной в него пашней и бархатным зеленым кустом картофеля) — поля за садом, идущего вверх покато, — и неба синего и великолепных масс белых облаков на небе — и одинокая маленькая фигура весь день косящего просо (или гречиху красно-ржавую) Антона; и все мука, мука, что ничего этого не могу выразить, нарисовать!

Читал (и нынче читаю) «Завоевание Иерусалима» Гарри. Много времени, как всегда, ушло на газеты. Керенский невыносим. Что сделал, в сущности, этот выскочка, делающийся все больше наглцом? Как смел он крикнуть на Сахарова «трус»?

Все читаю Мопассана. Почти сплошь — пустяки, наброски, порой пошло.

Нынче серо, прохладно, прохлада уже осенняя. Все утро звон — кого-то хоронят. Поминутно, с промежутками: «блям!» Вот кого-то несут закопать... как мы равнодушны друг к другу! Ведь, в сущности, я к этому отношусь как к смерти мухи.

Все гул, гул молотилки паровой последние дни — у Барбашина.

21 августа. Серый, со многими осенними чертами, с много раз шедшим дождем день. Пели петухи, ветер мягкий, влажный, с юга, открыта дверь в амбар, там девки метут мучной пол, — осень! Свежая земля в аллеях уже силь-

но усыпана желтой листвой. Листья вяза шершавые, совсем желтые.

Перечитываю «Федона». Этот логический блеск оставляет холодным. Как много сказал Сократ того, что в индийской, в иудейской философии!

В девять вечера вышли с Верой — ждали Антона и Коли со станции, пошли к бывшей монополии. Луна была еще низко над нашим садом. Многое еще в очень длинных тенях. Над бахтеяровской стороной ужасное и мрачное величие сгрудившихся туч, облаков (против луны). Белизна домов там — точно это итальянский городок. Коля опять не приехал.

Газеты. Большевики опять подняли голову. Мартов... требует отмены смертной казни.

В 10 1/2 вышел один гулять по двору. Луна уже высоко — быстро неслась среди ваты облаков, заходя за них, отбрасывала на них круг еле видный, красновато-коричневый (не определишь). За чернотой сада облака шли белыми горами. Смотрел от варка: расчистило, деревья возле дома и сада необыкновенны, точно бёклиновские, черно-зеленые, цвета кипарисов, очерчены удивительно.

Ходил за сад. Нет, что жнивье желтое, это неверно. Все серо. На северо-востоке желтый раздавленный бриллиант. Юпитер? Опять наблюдал сад. Он при луне тесно и фантастично сдвигается. Сумрак аллеи, почти вся земля в черных тенях — и полосы света. Фантастичны стволы, их позы (только позы и разберешь).

11 1/2 ч. Лежал в гамаке, качался — белая луна на пустом синем небе качалась как маятник. В спину дуло.

22 августа. Дождь льет, но день вроде вчерашнего. Начал читать Н. Львову — ужасно. Жалкая и бездарная провинциальная девица. Начал перечитывать «Минеральные воды» Эртеля — ужасно! Смесь Тургенева, Боборыкина, даже Немировича-Данченко и порою Чирикова. Вечная ирония над героями, язык пошленький. Перечитал «Жестокые рассказы» Вилье де Лиль Адана. Дурак и плебей Брюсов восхищается. Рассказы — лубочная фантастика, изысканность, красивость, жестокость и т.д. — смесь Э.По и Уайльда, стыдно читать.

Дочь Аннета. Какая-то почти жуткая девочка, очень крупная, смесь девочки и женщины, — оттого что очень рано стала б..., должно быть?

«Учение есть припоминание». Сократ.

Последние минуты Сократа, как всегда, очень волновали меня.

Вечером приехали Коля с Евгением. Коля в Ефремове все задыхался.

Взята Рига. Орлов рассказывал Коле — где-то церковный сторож запретил попу служить, запер церковь — поп «буржуй», «ездил в гости к Стаховичу».

23 августа. Вчера после обеда дождь лил до восхода луны, часов до десяти. Нынче часов с двенадцати опять то же. Похолоднело. Лес за Бахтеяровым в тумане.

Думал о Львовой, дочитав ее книгу. Следовало бы написать о ней рассказ.

Читаю «Стихи духовные» (со вступительной статьей Ляцкого).

Почти весь день нельзя выйти — очень часто осенний ливень.

Вечером Антон привез газеты, письмо Юлия. Юлий с вокзала заплатил извозчику одиннадцать рублей. В газетах — ужас: нас бьют и гонят, «наши части самовольно бросают позиции». Статья Кусковой — «Русские кошмары» — о мужиках, как они не дают хлеба и убивают агентов правительства, разъясняющих необходимость реквизиции хлеба. «Разруха ли»!

24 августа. С утра сильный ветер, часто припускает дождь.

Перечитываю стихи Гиппиус. Насколько она умнее (хотя она, конечно, по-настоящему не умна и вся изломана) и пристойнее прочих — «новых поэтов». Но какая мертвяжина, как все эти мысли и чувства мертвы, вбиты в размер!

6 ч. 20 м. Свет солнца с заката в комнате — на правой притолоке двери, кусок на красной материи на отвале кровати и на стене над кроватью (на южной стене) — желтый с зеленоватым оттенком. Эти светлые места все испещрены колеблющейся тенью деревьев палисадника, волнуемых ветром. Кажется, переходит в погоду. Читаю стихи Гиппиус «Единый раз вскипает пеной...».

26 августа. Позавчера вечером были с Верой у Лозинских, — у них оказалось «Русское слово» за двадцать третье. Мы ходили при луне (уже невысокой, три четверти), ждали, пока они дочитают, потом взяли. Аресты великих князей, ужасы нашего бегства от Риги, корпус бежал от немецкого полка, переходившего Двину.

Вчера было прохладно и серо, вид уже совсем осенний. Нынче поминутно дождь, ветер косо гонит его, мелкий, с северо-запада, бахтеяровская сторона часто в тумане.

Вчера мы с Колей ходили к Пантюшку. Он ничего, но подошли бабы. Разговор стал противный, злобный донельзя и идиотский, все на тему, как господа их кровь пьют. Самоуверенность, глупость и невежество непреодолимые — разговаривать бесполезно.

Нынче читаю о Владимирско-Суздальском царстве в книге Полевого. Леса, болота, мерзкий климат — и, вероятно, мерзейший, дикий и вульгарно-злой народ. Чувствую связь вчерашнего с этим — и отвратительно.

Дочитал Гиппиус. Необыкновенно противная душонка, ни одного живого слова, мертво вбиты в тупые вирши разные выдумки. Поэтической природы в ней ни на иоту.

27 августа. День серый и холодный. Вечером приехал Митя. Его рассказ о трех юнкерах.

28 августа. Солнечный прохладный день.

29 августа. День еще лучше. Ходили в контору — я, Вера, Митя. Жуткая весть из Ельца — Митя говорил по телефону: Корнилов восстал против правительства. В четыре часа пошли низом в Колонтаевку. Возвратясь, опять зашли в контору. Весть подтверждается <...>.

30 августа. Ездили с Митей в Измалково. На почте видел только «Орловский вестник» 29-го. Дерзкое объявление Керенского и еще более — социалистов-революционеров и социал-демократов — «Корнилов изменник». Волновался ужасно.

31-го. Телефон из Ельца — Орлов и Арсик — что «состоялось соглашение». Дико! Вера утром уехала с М.Н. Рышковой в Предтечево. Поехали за ней с Митей. Там «Новое время» и «Утро России». Ошалел от волнения. Воззвание Корнилова удивительно! Вечером газеты — «Русское слово» от 29 и «Р<усский> г<олос>» <?> от 30-го. Последняя поразила: истерически-торжественное воззвание Керенского: «Все! всем! всем!» Таких волнений мало переживал в жизни. Просто пришибло.

Нынче весь день угнетен, как не запомню. Снова звонил Митя в Елец. Оказывается, нет, не все еще кончено, «только ночи настали», сказал К., будто взят Курск Калединым.

В пятом часу поехал в Жилых за рисом. Дни были хорошие, нынче серо, прохладно, все беззвучно, неподвижно.

В Жилых у плотины девочка навстречу. «Где потребиловка?» — «Вон на той стороне, где камни на амбаре». Двойная изба, в сенцах свиньи. Грязь, мерзость запустения. В одной половине пусто, в углу на соломе хлебы. Милая баба, жена Семена, торгующего. Ждал его. Но сперва пришел пьяный мужик, просил что-то «объяснить». На взводе затеять скандал. Потом старик, которого Семен называл «солдатом», и молодой малый с гармонией, солдат, гнусная тварь, дезертир, ошалевший, уставший от шатанья и пьянства. Молчал, потом мне кратко, тоном, не допускающим возражений: «Покурить!» Мужиков это возмутило — «всякий свой должен курить!». Он: «Тут легкий». Я молча

дал. Когда он ушел, «Солдат» рассказывал, что дезертира они не смеют отправить: пять раз сходку собирали — и без результату: «Нынче спички дешевы... сожжет, окрадет». Вечером газеты, руки дрожат.

2 сентября. С половины дня ливень и до ночи. И ночью, хотя уже не такой — до утра. «Русское слово» от первого.

3 сентября. Утром «Русское слово» от 2-го. Опять подлая игра в смену кабинета. Где Корнилов? Все-таки, видимо, ужасно испугались. Первый день я сравнительно спокойней. С утра дождь, потом распогодилось. Но все насыщено водой.

4 сентября. Письмо от Юлия. Он еще лечится. Это ужасно. Неужели это не придет в норму или будет повторяться?

«Русское слово» от 31-го и 1-го. В совете рабочих депутатов Каменев и Стеклов говорят, что «снесут голову с Корнилова». «Голос народа» от 2-го: Корнилов будто арестован.

Серо, потом то дождь, то солнце. Сейчас полдень. Уехал Евгений.

К вечеру распогодилось.

В десятом часу вечера — газеты. *Государственный переворот!* Объявлена республика. Мы ошеломлены. — Корнилов арестован.

Воля Гоца, Дана, Либера и т.д. восторжествовала — Россия в их руках! Что же значили эти переговоры Керенского с Кишкиными?! — Авксентьев, Либер в ужасе: «Каледин!»

Заснул почти в два часа.

Ночь была очень светлая, небо засыпано чистейшими звездами.

С неделю уже ровно ничего не делаю.

7 сентября. Уехал Митя. Мы с Колей ездили по предтечевским лугам, потом через Победимовых и Скородное домой, было солнечно, лес уже по-осеннему в свете и волнении. Мужики все рубят и рубят леса. К вечеру опять на дождь, ехали назад, на севере — мертв<енно>-синеватые облака.

8 сентября. Погода светлая, хорошая. К вечеру приехал Мишка, возивший Митю: опоздали на поезд, поехали в Елец.

Был в конторе. Сын медника, рабочий, приятный, хорошо осведомлен, но кое в чем путается. И против большевиков, и «Новую жизнь», увидав у меня, назвал «хорошей газетой». Я послал с Митей отказ в «Новую («Свободную») жизнь».

9 сентября. Ночью была ужасная гроза, ураган. Нынче хорошо, ветрено, солнечно.

Были на Жадовке, у Сергея Климова. Все в один голос одно: «Корнилов нарочно выпущен немцами» и т.д. В этом и весь призыв его.

Клен в жадовском саду — цвета кожи королька, по оранжевому темно-красное.

Изумительны были два-три клена и особенно одна осинка в Скородном позавчера: лес еще весь зеленый — и вдруг одно дерево, сплошь все в листве прозрачной, багряно-розовой с фиолетовым тоном крови.

Читал Жемчужникова. Автобиография его. Какой такт, благородство!

Сейчас пишу — по рукам, тетради желтый свет заходящего солнца. Оно садится за бахтеяровской усадьбой, как раз против спуска с той горы. По моим часам около шести.

Сергей Климов: «Да Петроград-то мать с ним. Его бы лучше отдать поскорей. Там только одно разнообразие».

11 сентября. Все пустые дни! Читал Жемчужникова, «Анну Каренину». Приехала М. Ник. Рышкова. Погода холодная, переменчивая, дурная.

12 сентября. Очень холодно. Кажется, вчера утром — косые космы пухлых низких облаков грязно-лиловатых, северных, морских по западному горизонту (утром часов в восемь). Среди дня много солнечных моментов, но ветер, прохладно. К вечеру очень холодно — в пору полушубок. Луна уже три четверти.

13 сентября. С утра очень холодно, был за садом, летели листья с кленов, взял один.

Коля в астме. Вечером поехал со мной в Знаменье. Серо, потеплело — дочитал Жемчужникова. В общем, серо, риторика.

14 сентября. Теплый прелестный день, солнечный. Ездил с Верой в Измалково, перед вечером. Луна три четверти стала видна с пяти часов.

15 сентября. Проснулся в 6 1/2, еще солнце не показалось, утро удивительное, росистое. День еще лучше. Совсем лето. Все аллеи усыпаны листвой. Читал Минского. Прочел сорок восемь страниц. Ужасная риторика!

Коля все еще болен. Еле выбрался в сад, сидел на скамейке с Верой. Алекс. Петр. плача рассказывал про Ваню.

Газеты. На советы narосла, видимо, дикая злоба у всех. Разъяснение Савинкова. Да, «совершена великая провокация». Керенского следовало бы повесить. Бессильная злоба.

В пять поехали с Верой в Скородное и вокруг него. По дорожке среди осинок. Еще не желтые осинки, но дорога вся усыпана их листвой круглой — сафьян малиновый, лимонный, палевый, почти канареечный есть. Когда выехали, чтобы повернуть направо, кто-то среди деревьев на опушке что-то делал лежа; красного солнца осталось уже половина. Месяц довольно высоко, — *зеленовато-белый*, небо под ним гелиотроповое почти. Хороша та дорога, где всегда грязь!

Глубокие колеи — все возят тяжелое, все воруют лес. Возле места, где была Караулка, стояли, вертел курить, дивились на красоту: месяц впереди, в левом направлении, над лесом, кое-где желтые высокие, стройные деревца (кажется, клены), закат направо совсем бесцветный, светлый. Под месяцем <?> опять гелиотропы, ниже и левее синева цвета сахарной бумаги. Вера смотрела направо — дивилась, как зубчатая линия леса — на закате. Дальше по просеке-дороге трудно ехать — так много сучьев. Уже темнело (в глубине-то леса). Выехали на опушку, чтобы повернуть направо (караулка), постояли, опять подивились — хорош был кровавый клен. Я взял листок. Он сейчас передо мной, точно его, бывший светло-палевым, обмакнули в воду с кровью.

Как осенью в лесу, в чаще, вдруг видишь: светит желтизной, выдвинулась ветка орешника. Даже жутко. Когда проехали Победимовых, повернули направо, стали спускаться с горы, закат уже краснел, а луна (направо, над ложиной, полной леса) была на сером, освещенном ею небе. Вообще небо было почти все серое, чуть в глубине синеватое.

Как странно все освещает осенняя заря! — сказал Вере, поднимаясь в гору.

16 сентября. Все то же: пустота ума, души, довольно тупое спокойствие. Дочитываю «Каренину». Последняя часть слаба, даже неприятна немного; и неубедительна. Помнится, и раньше испытывал то же к этой части. Читаю Минского. Есть хорошее. Все же у него была душевная жизнь.

Ездили кататься. (День прекрасный.) Возле того места, где была караулка, крякнула задняя ось. Дошли пешком. Спеша за мерином, запотел, устал.

Коля болен. Нынче что-то схватило в кишках — вернулся из нужника страшный — гробовая бледность.

Чуть не все за садом засыпано желтой листвой кленов. Уже очень много вершин зарыжело, зажелтело. Как поражает всегда этот цвет! Остров почти весь зелен. Но, едуци кататься, видел осинку в этой зелени — совершенно малиновая!

Луна ночью была необыкновенно ясна. Совсем полная.

17 сентября. Довольно сильный и прохладный ветер. Сад сипит, кипит. Почти все небо в грифельной мути, облачности. Светлее, где солнце. Еще больше желтых, краснеющих, красно-оранжевых вершин.

Гляжу на бахтеяровский сад: местами — клубы как будто цветной капусты этого цвета.

Вчера, едуци мимо пушешниковского леса, видел вдаль, в Скородном (на косогоре, где дорога к Победимовым), це-

лый островок желтого (в которое пущена красная краска — светлая охра? Нет, не то!) — особый цвет осенних берез.

11 1/2 ч. дня. Дочитал «Каренину». Самый конец прекрасно написан. Может быть, я ошибаюсь насчет этой части. Может быть, она особенно хороша, только особенно проста?

Были облака, ветер. Ночь была поразительно ясная, луна чиста необыкновенно, в небе ни единого облачка, так все продрал резкий ветер.

22 сентября. Ездили с Верой в Озерки. Хороший день, но ветер, довольно прохладно, а когда возвращались зарей, то и совсем.

26 сентября. Два дня были необыкновенно хороши — солнечные, теплые. Вчера отправил письмо Кусковой. Был дождь!

Нынче холодно, низкие синеватые небосклоны с утра. После обеда гуляли втроем. Дивились на деревья за сараем, с поля из-за риги — на сад: нельзя рассказать! Колонтаевка — и желтое, и черно-синее (ельник), и что-то фиолетовое. Зеленеет к Семен<о>вкам — бильярдное сукно. Клены по нашему садовому... необыкновенные. — Сказочный — желтый, прозрачные купы. Ели темнеют — выделились. Зелень непожелтевшая посерела, тоже отделяется. Вал весь засыпан желтой листвой, грязь на дороге — тоже. Ночью позавчера поразила аллея, светлая по-весеннему сверху — удивительно раскрыта.

Вообще — листопад, этот желтый мир непередаваем. Живешь в желтом свете.

Сейчас ночь темная, дождь. Был нынче на мельнице. Злобой мужики тайно полны. Разговаривать бессмысленно!

27 сентября. Абакумов: нет, жизнь при прежнем правительстве — куда красней была! Теперь в... нельзя — того гляди — голова слетит.

День несколько раз изменялся. С утра было холодно. Все вспоминаю противный разговор на мельнице — Л<нрзб.>, придирающийся к винокуру, к монопольщику, лгавший, что его мальчишку бросил австриец в окно завода, грозивший «убить» — теперь это слово очень просто! — солдат Алешка...

Ездил с Колей кататься. Лес все рубят.

28 сентября. Почти летний день. Разговор за (в автографе описка: на. — А.Б.) мельницей с «Родным» и другими, шедшими из потребилковки.

Вечером что-то горло.

29 сентября. Не выхожу. Больно железу, в горле что-то есть. Летний день. Все читаю Фета. Как много<...>!

30 сентября. Горло ничего, слава Богу. Гуляли. На гумно Андрея С. — там молотьяба. А. Пальчиков в очках черных в кожаном футляре подает, серо-бурая борода, темна по окраинам на щеках (как... — <нрзб.> — как многие старики), бабы одно и то же: «что гуляете, идите к нам солому тресть». По деревне к лесу. День летний. Поразил осинник на мысу — совершенно оранжевый, и так выделилось каждое дерево и выпуклость бугра, и до неприятности похоже на гигантского ужа. Извив тропинки по бугру. Поразителен и осинник в лощине в начале леса, такой же. Все, весь лес необыкновенно сух, шуршит, и непередаваемо прекрасный запах подожженных сушью, солнцем листьев. Блеклая трава засыпана листвой, дубовая листва коричневая на опушке, — дубы все шуршат, все бронзово-коричневые.

Говорил, как ничтожно искусство!

Поразила декларация правительства, начало: анархия разлилась от Корнилова! О негодяи! И все эти Кишкины, Малянтовичи! Ужасны и зверства и низость мужиков, легендарны.

1 октября. Утром вышел — как все бледно стало: сад, солнце, бледное небо. Потом день превосходный. Ездили с Колей к Победимовым.

И снова мука! Лес поражает. Как он в два дня изменился: весь желто порыжел (такой издали). Вдали за Щербачевкой шапка леска буро-лиловата, точно мех какой на звере облезает. А какой лес по скату лощины! Сухая золотая краска стерта с коричневой, кленоватой.

2 октября. Проснулся в шесть. Лежал час. Душа подавлена. Юлий, думы о том, что, может, скоро опустеет совсем мир для меня — и где прежде — беспечность, надежда на жизнь всего существа! И на что все! И еще — совсем отупела, пуста душа, нечего сказать, не пишу ничего, пытаюсь — ремесло, и даже жалкое, мертвое.

Вчера воззвание Брешко-Брешковской к молодежи — «идите, учите народ!».

Ночью гулял — опять все осыпано бриллиантами сквозь голые ветви. Григорий идет от кума — «пять бутылочек на двоих выпили». «И ты не выпивши?» — «Да нет, ведь я ее чаем гоню...»

Нынче еще беднее утро, хотя прелестное и свежее, бодрое. Уже на кленах на валу на немногих и местами желтая, еще густая листва.

3 октября. Вчера в три часа с Колей в Осиновые Дворы. Скородное издали — какой-то рыже-бурый медведь. Ехали через Ремерский лес. Дубки все бронзовые. Сквозь него изумительный пруд, в одном месте в зеркало льется отражение совершенно золотое какого-то склоненного деревца. Кара-

улка, собачонка так зла, что вся шерсть дыбом, — знакомая; выскочил тот старик, радостно-шаловой, торопливый, бес-толковый, что видел в Скородном. Федор Митрофаныч, конечно, солгал, что у Ваньки отняли ружья, был скандал, он стрелял уток барских на пруде возле этой караулки, но не отняли. «Как ты попал сюда?» — «Позвольте, сейчас...» Страшно-радостно и таинственно: «Поросенка пошел куплять, у Борис Борисыча... Борис Борисыч отвечает...» (вместо «говорит» и очень часто не кстати: хотя). Были в Польском (деревушке). Два совершенно синих пруда — сзади нас, как въезжали на гору — предвечернее солнце. Поразили живописность и уединение Логофетовой усадьбы. Сад, да и ближе деревья — главное рыже-бронзовое, бронзовое. Наше родовое. Охватила мысль купить. Стекла горят серебряной слюдой, луч<езарными> звездами в доме, издали. В Осиновых Дворах два мужика: один рыжий, нос картошкой, ласково-лучистый, профессор, другой — поразил: IV <?> в., Борис Годунов, крупность носа, губ, толстых ноздрей, профиль почти грозно-грубый, черные грубые волосы, под шапкой смешаны с серебром. Должно быть, древние люди, правда, не те были. Какое ничтожество и мелкость черт у ребят молодых! Говорили эти мужики, что они про новый строй смутно знают. Да и откуда? Всю жизнь видели только Осиновые Дворы! И *не может* интересов<аться> другим и своим государством. Как возможно народоправство, если нет знания своего государства, ощущения его, — русской земли, а не своей только десятины!

Шесть часов вечера. Сейчас выходил. Как хорошо. Осеннее пальто как раз впору. Приятный холодок по рукам. Какое счастье дышать этим сладким прохладным ветром, ровно тянущим с юга вот уже много дней, идти по сухой земле, смотреть на сад, на дерево, еще оставшееся в коричневатой листве, краснеющей не то от зари (хотя заря почти бесцветна), не то своей краской. Вся аллея засыпана краснеющей, сухой, сморщенной листвой, чем-то сладко пахнущей. Как нов вид на сквозной сад, сквозь который за долиной воздух чуть з<е>леноват, и заря наполняет весь сад розоватым светом. Почти все голо, почти все клены на валу и аллея и т.д., лишь яблони <в> золотисто-бронзоватой мелкой мертвой листве.

Правительство «твердо, решило подавить погромы». Смешно! Уговорами? Нет, это *не ему* сделать! «Они и министры-то немного почище нас!» Вчера в полдень разговор с солдатом Алексеем — бешено против Корнилова, во всем виноваты начальники, «мы большевики, пролетариат, на нас не обращают внимания, а вон немцы...». Младенцы, полуживотная тьма!

Нынче хорошее настроение, написал два стихотворения <нрзб.>.

Гулял в Колонтаевку, послал утром книгу Белевскому (последний том «Нивы» в переплете).

Нет никого материальной нашего народа. Все сады срубят. Даже едя и пъя, не преследуют вкуса — лишь бы нажраться. Бабы готовят еду с раздражением. А как, в сущности, не терпят власти, принуждения! Попробуй-ка введи обязательное обучение! С револьвером у виска надо ими править. А как пользуются всяким стихийным бедствием, когда все сходит с рук, — сейчас убивать докторов (холерные бунты), хотя не настолько идиоты, чтобы вполне верить, что отравляют колодцы. Злой народ! Участвовать в общественной жизни, в управлении государством — не могут, *не хотят* за всю историю.

Прогулка в Колонтаевку была дивна: какая сине-темная зелень пихт не пожелтевших! (Есть еще такие, хотя большинство все дорожки усыпали своими волосами.) Шли дорожкой — впереди березы, их стволы, дальше трубы тонкие пихт, серая тьма и сквозь это — сине-каменное небо (солнце было сзади нас, четвертый час). Бёклин поймал новое, дивное. А как качаются эти тонкие трубы в острых сучках на стволах! Как плавно, плавно и все в разные стороны!

Возле бахтеяровского омета сквозь голый сад видна уже церковь. Как ново после лета!

Интеллигенция не знала народа. Молодежь Эрфуртскую программу учила!

4 октября. Вчера было радостное возбуждение — подумал: будет дождь. Так и есть. С утра очень тихо, дождь. Щеглы на «главном» клене. Потом ветер. Часов с трех повернул — с северо-запада. Образовалась грязь. Заходили на мельницу, к Колонтаевке. Листва (почти не изменилась) на сирени. Про яблони, кажется, неверно записал вчера — оне... ну, грязная золотистая охра, что ли, с зеленоватым оттенком. Яблони еще все в листве (такой).

Все читаю Фета (море пошлого, слабого, одно и то же), пытаюсь писать стихи. Убожество выходит! <...>

5 октября. Вчера вечером около одиннадцати ветер повернул, — с северо-запада. Вызвездило. Я стоял на последней ступеньке своего крыльца — как раз против меня был (над садом) Юпитер, на его левом плече Телец с огоньком Альдебарана, высоко над Тельцом гнездо бриллиантовое — Плеяды.

Нынче очень холодно, ветер почти с севера, солнечный день. Ездил с Колей к Муромцевым. Как хороша его усадьба с этими деревьями в остатках осенней листвы (когда еха-

ли, поразило Скородное далеко <нрзб.>, мех (пух, что ли) зверя — дымчато-серый, кое-где клоки рыжеватой шерсти еще не ошипаны. Далекий лесок под Щербачевкой — цвета сухой малины. Прочие лесочки за <нрзб.> — все бурое <нрзб.>.

Петруха, кучер Муромцевых: «Все начальники продают... Мне племянник пишет, он брехать не будя». — Послал книгу Милкокову. (Дня три тому назад — Белоруссову.)

6 октября. Рано, в шесть, проснулся. Подавленное состояние. Остудел я, обездарел, как живу, что вижу! Позор!

Туман, вся земля белая, твердая. Пошел гулять — кладбище (оно еще в траве) теперь под сединой изморози — маляхитовое, что ли.

Лозинский едет в Измалково. Зашел к нему. Сиденье тележки, козлы — как мукой осыпаны. Сад Бахтеярова в тумане грязно темнеет.

Послал книгу Бурцеву (всем одно — 5—6 томы «Нивы»).

Вчера читали записку Корнилова. И Керенский молчок! И общество его терпит!

Почти полдень. Горизонт туманен. Тихий, тихий беззвучный день. Так мертва, тупа душа, что охватывает отчаяние.

Десять часов вечера. Гуляли немного за садом, потом по двору. В сущности, страшно. Тьма, ледяная мгла вдали едва различима, но все-таки видна.

Днем выходил: все былинки, полынки седые от инея. Туман (холодный <нрзб.> весь день). Остров — грязноватое что-то, цвета приблизительно охры, что ли. Лозины деревни вдали — зеленовато-серые... <нрзб.>. Бахтеяровский сад и темно-желтоват и буроватое и т.д. У нас в саду возле вала листва — цвета мути, немного желтее.

Записка Алексеева. Что же русское общество не тянет за усы Керенского?!

Хам уже давно в русском обществе. Все, что было темного, нагло, противоестественного <?> в литературе за последние двадцать лет — не то же ли, что теперь в общественной жизни? Что же, дивились словам Горького, Андреева, Скитальца? А теперь — Керенские, Гвоздевы!

7 октября. Заснул вчера в 11, проснулся нынче в восемь. Несмотря на это, чувство тупости, растерянности еще сильнее. Утром письмо Юлия к Вере от 27 сентября. Мы все очень огорчились: каждый день будни... Ужасно!

День дивный, солнечный, бодрый; ходили в Колонтаевку — похоже все на то, как мы видели в прошлую прогулку туда. — Письмо от Кусковой. Отвечаю.

Сейчас около двенадцати ночи. Изумительная ночь, морозная, тихая, с великолепнейшими звездами. Мертвая тишина. Юпитер, Телец, Плеяды очень высоко. (Над юго-западом.) На юго-западе Орион. Где Сириус? Есть звезда под Орионом, но низко и слабо видна.

Листва точно холодным мылом потерта. Земля тверда, подмерзла. Ходил за валом. Идешь к гумну мимо вала (по направлению от деревни) — деревья на валу идут навстречу, а небо звездное за ними сваливается, *идет вместе со мною вперед*. Сзади идет за мной Юпитер и пр. Идешь назад — все обратно. То же и на аллее. А я писал в «Таньке»: «звезды бежали *навстречу*». Глупо.

Аллея голая стройна, выше и стройнее, чем в листопад.

О, какая тишина всюду, когда я ходил! Точно весь мир прервал дыхание, и только звезды мерцают, тоже затаив дыхание.

8 октября 11 ч. утра. Вчера долго не мог заснуть — ужасная мысль о Юлии, о Маше, о себе — останусь один в мире, если Юлий не выздоровеет, и кажется: если даже будет успех, сделаю что-нибудь — для кого, если Юлия не будет! Заснул почти в два.

Нынче проснулся в 8 1/2. Бешенство на Софью — уехали в Измалково! На меня внимания не обращают. Послал с Лозинским: Кусковой, Бунину, Нилусу, Черемнову, Колино письмо к Мите о въезде в Москву (запретили!). Поехал один на дрожках в Скородное — круг обычный (начиная со стороны северной). Утро изумительное. Все крыши, вся земля были белые. Поехал через аллею, ветер вычистил ее середину, вся листва сметена на бока. Думал: «Могучим блеском полон голый сад, синим и сияющим эфиром». В поле дорога еще тверда, кое-где начинает потеть. В каждой колее, где тень, — голубая сахарная пудра. По жнивью под солнцем блеск алмазов по остаткам изморози. В лесу светлей, чем думалось. Иногда улавливал горечь листвы мокрой. Повернул по опушке мимо северной стороны леса — тени осинки по блестящей мокрой листве. В лощинке, полной деревьев, блеск мелкого стекла — сучки, оставшиеся листики. Вдоль восточной стороны, там, где всегда грязь и ухабы по кусочку дороги между деревьями, грязь салится, под салом земля еще твердая; бледно-водянистые зелена налево, за лугом направо лес, по косогору лежащий — веет сизоватый дым, весь почти голый — осинник, среди этого верхушки берез удлинненными купами желтеют (неярко, грязно, темная охра, что ли), выделяются. На просеке снова вдали дроги, лошадь — рубят! О, негодяи, дикая сволочь! Думал о своей «Деревне». Как верно там все! Надо написать предисловие: будущему историку — верь мне, я

взял типическое. Да вообще пора свою жизнь написать, спустить шкуру со всей сволочи, какую видел, со всех этих Венгеровых и т.д.

Свернул на лесную дорогу, идущую от Победимовых, — направо. Вся в ухабах глубоких грязи, засыпанной листвой (перед этим все глядел на верхушки берез, сохранивших розовато- и рыжевато-желтую мелкую листву на изумительном небе). Дубы все в коричневой сухой листве. Среди стволов блеклая, вялая сырая зелень под листвой. Думал — здесь особенно похоже на весну. Если бы ехал весной, тут, в затишье, среди стволов, на спуске с горы, было бы жарко, птицы были бы, сладость, мука радостная, полная надежд на что-то — и на любовь, как всегда! — были бы. Въехал на гору — еще среди стволов четыре подводы, баба с топором, мальчишка. Выехал из лесу — далеко-далеко налево, на юго-востоке, над лугами возле Предтечева светлый белесый пар под солнцем, над ним полный света горизонт. В голове — Одесса, Керчь, утро в ней, солнце, синь густая моря, белый город...

Понемножку читал эти дни «Село Степанчиково». Чудовищно! Уже пятьдесят страниц — и ни на иоту, все долбит одно и то же! Пошлейшая болтовня, лубочная в своей литературности! <...> Всю жизнь об одном, «о подленьком, о гаденьком»!

В три часа поехали с Колей на Прилепы за конопляным маслом для замазки. Хозяин маслобойки — богач, большой рост, великий удельный князь, холодно серьезен, застали среди двора, ноль внимания. «Масло — два рубля фунт». Пошли в маслобойку, заговорили — и вдруг чудесная добрая улыбка. Вот кем Русь-то строилась. О своих односельчанах как о швали говорил.

Закат с легчайшим, чуть фиолетовым туманом за бахтеяровской усадьбой на зеленях и по бахтеяровскому саду и Колонтаевка в нем. Солнце за бахтеяровским садом садилось огромным расплавленным шаром из золотого, чуть шафранового стекла. Пошел в контору. Там безобразничал негодяй Зайчик.

Ночью гуляли. Туман находил на нас холодный. Вверху звезды.

В двенадцать часов вышел — там вяз смутной массой. Звезды туманны. Юпитер распустил пленку голубоватую.

9 октября. Снова такой же дивный день. В три поехали с Колей в Гурьевку, были у Дмитрия Касаткина — «рушник», рушит просо и гречиху. Хозяин — «видно, опять кичится Николаем». Солдат стерва, дурак необыкновенный. «Солдаты зимней одежи не принимают — не хотят больше воевать. Два месяца дали сроку правительству —

чтобы сделало мир. Немцы бедным не страшны — черт с ними, пускай идут. Богатые — вот это дело другое. За границу не уедешь — все дороги в один час станут, всех переколем штыками. Начальства мы слушаемся, если хорошее, а если он не так командует, как же ему голову не срезать? Корнилов виноват, семьдесят пять тысяч с фронта взял. Керенский — <...> не лезь, когда не умеешь править. Зачем он умолял наступление сделать?» И т.д.

Старик мужик худой, болезненный, милый и разумный.

Баба — мощи, зло (про нас): «Это они все немцами пугают чернородие». — Да, вот что К<еренский> негодяй сделал!

Немцы завладели Рижским заливом.

12 октября. Позавчера мне исполнилось сорок семь лет. Страшно писать, но порой и утешение мелькает — а может быть, это еще ничего, может быть, я преувеличиваю значение этих лет?

Позавчера утром поехал с Колей и Мишкой (полуидиот и плут, но ничего себе малый, на старый деревенский лад) в Ефремов. Было похоже, что погода портится, сперва шли лиловатые облака — туман по небу — потом затянуло, день стал серый, ехали на Волжанку, Лебяжку, Березовку и т.д. Дорога по горам и однообразным деревьям бесконечна. Деревня тонет в благополучии, — сколько хлеба везде, скотины, птицы и денег! Пусто очень, почти ни души не встретили, и на улицах ни души, только молотят кое-где молотилки. Паровая молотилка в имении на Голицыне. И как никто не интересуется ни немцами, ни «Сов. Рос. Ре<с>п.» — и не знает ничего.

Приехали часа в четыре. Евгений в кухне на печке со своим Арсиком. Когда зажгли огонь, прибежали дети Елизаветы Ильинишны Добровольской (Победимовой) — мальчик и девочка, мальчик хотел страстно видеть «живого писателя»; рассказали, что уже начался погром, которого давно ждали в Ефремове. Я пошел в парикмахерскую — слух вздорный, хотя действительно ждут с часу на час. Отврат<ительный> «демократ» завивался самым бл...м образом, завился на 1 р. 75 к. Малый, что стриг меня, вежливейше спросил: «Под полечку прикажете?» Светила луна (почти 1/2). Ночевал не во флигеле, а в доме, долго разговаривал через дверь с Елизаветой Ильинишной. Она разошлась с мужем, выходит за другого, за пожилого. Я очень удивил ее, угадав, что у него слабые волосы (он довольно большой, блондин, «ждет ее десять лет») и что он очень любит ее детей. Не физически, но все-таки волновался близостью женщины за дверью, с которой мы одни в доме, за исключением крепко спящих детей. В три часа проснулся, не спал до шести, приехала

в четыре старуха Победимова — я испугался, думал, она на лошадях, бежала от мужиков.

Утро с большой изморозью. Ходили с Евгением за покупками. В 1 ч. уехали. Светлый, прохладный, по свету похожий на летний день, — превосходный. Оглянулся — нежно и грустно защемило сердце, — там, в роще лежит мама, которая так просила не забывать ее могилы и у которой на могиле я никогда не был.

Коля задохнулся; всю дорогу молчал. Ехали на Боборыкино, потом на Кожинку, не доезжая Кожинки, свернули, мимо Новиковой, потом под гору, на гору, на мельницы и на Веригину. В Веригиной пруд посередине, очень старые избы, богатая деревня. За Веригиной — под гору. За лугами напротив — лес коричневый в ложине, над ним высоко луна (ровно 1/2), профиль бледный, лес весь дубовый, весь в коричневой листве — листва точно в паутине. Боже, какая пустыня! А какая пустыня, какой дикарский поселок — хутор Лукьян Степанова! Никто не представит себе через сто, двести лет. По лиловому пруду золотая (от месяца) зыбь.

Опять восхитила логофетовская усадьба. Только миновали дом, луна за дубами, горизонт под ней — розовый. Потом быстро ехали, светало, ветренная ночь. Приехали домой в семь.

В Ефремове газеты за девятое и десятое. Открытие «Совета Республики», пошлейшая болтовня негодяя Керенского, идиотская этой стервы-старухи Брешко-Брешковской («понятно, почему анархия — борьба классов, крестьяне осуществляют свою мечту о земле»). Мерзавец <...> Троцкий призывал <нрзб.> к прямой резне.

Нынче ветрено, светлый, прекрасный день. Убирался, запаковывал черный сундук. На полчаса выходил с Верой по направлению к Колонтаевке.

13 октября. Вот-вот выборы в Учредительное собрание. У нас ни единая душа не интересуется этим.

Русский народ взывает к Богу только в горе великом. Сейчас счастлив — где эта религиозность! А в каком жалком положении и как жалко наше духовенство! Слышно ли его в наше, такое ужасное время? Вот церковный собор — кто им интересуется и что он сказал народу? Ах, Мережковские м...!

Понемногу читаю «Леонардо да Винчи» Мережковского. Ужасный «народился» разговор. Длинно, мертво, натащено из книг. Местами недурно, но почем знать, может быть, ворованное! Несносно долбленье одного и того же про характер Леонардо, противно-слащаво, несносно, как он натягивает все на свою идейку — Христос — Антихрист!

«Нигде не видал таких красок — темных и в то же время таких ярких, как драгоценные камни» (стекла в соборе). «Монах откинул куколь с головы».

«Побледневшее на солнце, почти не видное пламя».

«Пахло чадом оливкового масла, тухлыми яйцами, кислым вином, плесенью погребов». «Ненавидящий пронизательней любящего» (Леонардо). «У художников подражание друг другу, готовым образцам» (Леонардо). «Для великого содержания нужна великая свобода» (Леонардо).

Quant'è bella giovinezza.
Ma si fugge tuttavia
Chi vuol esser lieto, sia:
Di doman: non c'è certezza*.

День темный, позднеосенний, хмурый. Ветер шумит, порою дождь.

Как нежны, выбриты бывают лица итальянских попов!
Вечером и ночью ветер, дождь.

14 октября. С утра серо, ветер с северо-запада, холодный, сейчас три, мы с Верой гуляли, облака, светит солнце.

На низу сада, возле плетня, слышу матерную брань. Вижу — Савкин сын (кривой), какой-то пьяный мужик лет двадцати пяти, долговязый малый лет двадцати, не совсем деревенского вида.

— Когой-то ругает?

Пьяный:

— Да дьякона вашего.

— Какой же он мой.

— Как же так не ваш? А кто ж вас хоронить будет, когда помрете? Вот П. Ник. помер — кто его хоронил? Дьякон.

— Ну, а вот ты-то дьякона ругаешь, тебя-то кто ж будет хоронить?

— Он мне керосину (в потребиловке) не дает... и т.д.

Говорил, что мы рады, что немцы идут, они мужиков в крепостное право обратят нам.

15 октября. Утро было все белое — вся земля, все крыши, особенно наш двор. Утро и день удивительные.

В школе выборы в волостное земство. Два списка — № 1 и № 2. Какая между ними разница — ни единая душа не знает, только некоторые говорят, что разница в том, что № 1 «больше за нас». Это животное, сын Андриана, когда я спросил про эту разницу, закричал: «Да что вы его слушаете,

* Как ни прекрасна юность,
Все же она убегает;
Кто хочет радоваться, пусть радуется,
В завтрашнем дне нет уверенности.
(Перевод с ит. С. Ошерова)

что он дурака валяет!» — с большой злобой. За что? Почему он злобен и на меня? Помимо бессмысленной злобы, убежден, что я *не могу* не знать этой разницы — думает, что все эти номера для всей России одинаковы. Гурьбой идут девки, бабы, мужики, староста сует им номер первый, и они его несут к «урне». Заходил и вечером — там крик, возмущение, что мужики друг у друга лес рубят, Петр Ар., Сергей Климов за то, чтобы солдат взять. Матрос молодой (Милонов, с Майоровки) кронштадтский сказал: «Не в том суть, чтобы осинку как-нибудь срубить, а в организации, чтобы не к именно капиталистам власть перешла, но народу...» Большевик, иота в иоту повторяет дудочку «Новой жизни» и т.п.

В головах дичь, тьма, — ужас вообще! В «Совете Российской республики» говорят больше всего «евреи».

Вчера ужасное письмо Савинкова.

16 октября. Мужик: «Нет, и господ нельзя тоже оставить без последствий, надо и их принять к сведению».

Проснулся в шесть. С утра темновато, точно дождь шел. Потом превосходный, хотя сыро-холодный день. (Вчера, гуляя вечером, Вера обиделась, мы стали шутить — «Фома Фомич» — она плакала одна, в саду.)

Вечер поразительный. Часов в шесть уже луна как зеркало сквозь голый сад (если стоять на парадном крыльце — сквозь аллею, даже ближе к сараю), и еще заря на западе, розово-оранжевый след ее — длинный — от завода до Колонтаевки. Над Колонтаевкой золотистая слеза Венеры. Луна ходит очень высоко, как всегда в октябре, и как всегда в октябре — *несколько* ночей *полная*. Сейчас гуляли, зашли с Верой в палисадник, смотрели на тени в нем, на четкость людской, крыша которой кажется черной почти, — вспомнился Цейлон даже.

Про политику и не пишу! Изболел. Главное — этот мерзавец, которому аплодируют даже кадеты.

17 октября. Дни похожи по погоде один на другой — дивная погода. Ни единого облачка ни днем, ни ночью. Все время с вечера — луна и полоса красноватая на закате. Пришла Вера Семеновна с Измалкова. Я отвозил ее в школу. Смотрел с дороги, уже близко от школы — вдали на реке что-то вроде коричневого острова камышей, дальше — необыкновенно прелестная синь речной заводи. По дороге отпотевшая грязь. Ночью подмораживает, морозная роса, тугая земля.

Вечером Вл. Сем. провожал до кладбища Надю. — Письмо от Шмелева.

18 октября. Та же погода. Чувствую себя, дай Бог не сглазить, все время хорошо, но пустота, бездарность — на редкость.

Пять с половиною часов вечера. Зажег лампу. В окне горизонт — смуглость желтая, красноватая (смуглая, темная желтизна?), переходящая в серо-зеленое небо, — выше синее — сине-зеленое, на котором прекрасны ветви деревьев палисадника — голого тополя и сосны. Краски чистейшие. Пятнадцать минут тому назад солнце уже село, но еще светло было, сад коричневым.

Прочел Лескова «На краю света». Страшно длинно, многословно, но главное место рассказа — очень хорошо! Своеобразный, сильный человек!

20 октября. Десять с половиною часов вечера. Прочел статью из «Русской мысли» какой-то Глаголевой: «Раб (Бенедиктов), Эллин (Щербина), Жрец (Фет)». Наивная дурочка.

Критики говорят о поэте только то, что он им сам надобит.

«Любовь — высшее приближение к духовности» — правда ли это?

Вчера прошел слух (от Лиды), что хотят громить Бахтеяровых. Стал собирать корзину в Москву. Потом поехал с Верой в Измалково отправлять. Погода дивная. Кричал на Веру дорогой — нехорошо! Коля рассказывал, как солдат Федька Кузнецов разговаривал с офицерами, что охраняют бахтеяровское имение, — на «ты» и т.д.

Когда вчера Вера ходила на почту в Измалково, я сидел ждал, всходила раскаленная луна, возле нее небо мрачное, темное. Нынче ездили с Колей в Предтечево — говорить по телефону в Елец с комиссаром о въезде в Москву (наш телефон все портят). День поразительный. Дали на юге в светлом тумане (нет, не туман). Были в потребиловке (мерзко!), в волости. Воззвания правительства на стенах. О, как дико, как не связано с жизнью и бесполезно!

Что за цвета были леса, когда мы возвращались! Щербачевка (дубовая) светло-коричневая, поляны (березы) — еще есть грязное золото, Скородное — не умею определить.

Десять часов вечера. Густой туман — вот неожиданно! Не выхожу, что-то опять горло.

В Предтечево возле потребиловки встреча с девицами Ильиними. Леля сказала, что на «Среде» Зилов читал на меня пародию. Гадина!

Читаю «Волхонскую барышню» Эртеля. Плохо. Мужичкий язык по частностям верен, но в общем построен литературно, лживо. И потом, эта тележка, ныряющая по грязи, лукавая пристыжная, и заспанный мальчик, ковыряющийся в носу... Никогда не скажет: «надел пальто», а всегда — «облачившись в пальто».

21 октября. Не выходил — немного горло. День сперва серый, потом с солнцем. Возился весь день — укладывался.

Завтра Казанская, могут напиться — вся деревня варит самогонку — все может быть. Отвратительное, унижительное положение, жутко.

В языке и умах мужиков все спуталось. — Никто, впрочем, не верит в долготу этого «демократического рая».

В 1905 году поэты все писали стихи про кузнецов.

Читал отрывки из Ницше — как его обворовывают Андреев, Бальмонт и т.д. Рассказ Чулкова «Дама со змеей». Мерзкая смесь Гамсуна, Чехова и собственной глупости и бездарности. Как Сибирь, так «паузка», «пали» и т.д., еще «заимка»...

22 октября. Все бело от изморози. Чудеснейшее тихое солнечное утро. Звон.

«Забота» — Капри, 24 января — 6 февраля 1913 г.

Это ли не «Петлистые уши»*. <...>

Мужики и теперь твердят, что весь хлеб «везут» (кто? Неизвестно) немцам.

Радость жизни убита войной, революцией.

Как гадки Пшибышевский, Альтенберг!

Луна — зеркало солнца. Сердцевина мака черная.

Жизнь Фофанова — «сюжет для небольшого рассказа».

Одиннадцать часов утра. Коля напеваает под пианино: «Жил был в Фуле...»

Нет, в людях все-таки много прекрасного!

---

30 октября. Москва, Поварская, 26. Проснулся в восемь — тихо. Показалось, все кончилось. Но через минуту, очень близко — удар из орудия. Минут через десять снова. Потом щелканье кнута — выстрел. И так пошло на весь день. Иногда с час нет орудийных ударов, потом следуют чуть не каждую минуту — раз пять, десять. У Юлия тоже.

Горький, оказывается, уже давно (должно быть, с неделей) в Москве. Юлий мне сказал позавчера, что его видели в «Летучей мыши», — я не поверил. Вчера Вера говорила с Катериной Павловной, по телефону. Катерина Павловна — «обе стороны ждут подкреплений». Затем сказала, что Алексей Максимович у нее, что если я хочу с ним поговорить и т.д. Но мне он так мерзок, что я не хочу.

Часа в два в лазарет против нас пришел автомобиль — привез двух раненых. Одного я видел, — как его выносили — как мертвый, голова замотана чем-то белым, все в крови и подушка в крови. Потрясло. Ужас, боль, бессильная

---

* Эти слова относятся к месту рукописи, где был приклеен какой-то текст; он оторван. (Прим. сост.)

ярость. А Катерина Павловна пошла нынче в Думу (Вере нынче опять звонила) — она гласная, верно, идет разговор, как ликвидировать бой. Юлий сообщает, что Комитет общественного спасения послал четырех представителей на Николаевский вокзал для переговоров с четырьмя представителями Военно-революционного комитета — чтобы большевики сдали оружие, сдались. Кроме того, идут будто бы разговоры между представителями всех соц<иалистических> партий вкупе с большевиками, чтобы помириться на однородном социал<истическом> кабинете. Если это состоится, значит, большевики победили. Отчаяние! Все они одно. И тогда снова вот-вот скандалы, война и т.д. Выхода нет! Чуть не весь народ за «социальную революцию».

22-го — во втором часу <нрзб.> из Предтечева, верхом — громят Глотова*. Я ждал Казанской, многое убрал, — самогонка, праздник и слух о 20-м октябре, о выступлении большевиков — все предвещало, что многое может быть. Через час — пьяный мужик из Предтечева: «Там все бьют, там громят, мельницу Селезневскую разнесли... Уезжайте скорее!» Цель — разносит слухи, оповещает всех, хотя прикидывается возмущенным, и кроме того всюду берет на водку. Мой рубль швырнул — «я тебе сам пять целковых дам!». Я заорал, он струсил, взял рубль. С двух с половиною дня до трех ночи я убирался, заснул <в> два часа, в пять встал, в семь выехали — я, Коля, Вера. Мишка и Антон сзади на телеге с вещами. Туман, дорога вся в ухабах из застывшей грязи, лошади ужасные. До большой дороги была мука. Под Становой остановились, закусывали, баб тридцать из Кириловки, идут в Становую что-то получать (солдатки, кажется). Завязался разговор. Я выпил — иначе такой глупости не сделал бы. Злоба — «вы, буржуи, капиталисты, войну затеяли». Да, началось с насмешки над нами: «А плохо вам теперь!» Я сказал — «погоди, через месяц и вам будет плохо». — «А! вот как! Значит, ты знаешь! Почему же это нам будет плохо? Говори!» Я стал говорить как елецкий мещанин (плюс мой полушубок и весь наш вид жалкий). Подошел кто-то, что-то «товарищеское», хотя мужик (молодой) ... (Ох! ужасный удар!) (Сейчас пять дня.) (Опять!) «Что! Плохо? Вы почему ж это знаете?» (Очень строго.) О, позор, о, жуткое чувство! (Опять удар.) Я вильнул — «через месяц Учредительное собрание» — собрал вожжи и поскорее ехать. Возле шлагбаума колесо рассыпалось. До Ельца пешком — тяжело! Жутко! Остановят, могут

---

* Воспоминания о Глонове перемежаются впечатлениями от оружейных ударов в момент записи в дневник (Прим. сост.).

убить. В Ельце все полно. Приютили нас Барченко. Вечером (опять удар!) у нас гости, я говорил лишнее, — выпил. 24-е пробыли в Ельце. Отовсюду слухи о погромах имений. Вл<адимира> Сем<еновича> все Анненское разгромили. Жгут хлеб, скотину, свиной жарят и пьют самогонку. (Опять!) У Ростовцева всем павлинам голову свернули. (Опять!) 25-го выехали вместе с Б.П. Орловым. В вагоне в проходе — солдаты, солдат из Ламского весело и хорошо рассказывал, как Голицыны с тремя-четырьмя ингушами и попом (опять!) отбивались от мужиков и солдат. Голицына П.А. ранили. 26-го на Курском вокзале узнали, что в Москве готовят бинты, кареты скорой помощи и т.д. — будет бой с большевиками. Два извозчика — сорок рублей. 27-го был в городе — везде равнодушные — «а, вздор, это уже давно говорят». Какие-то два солдата мне (опять!) сказали, что начнется часов с семи. В пять — к Телешовым. Мимо трамвая — поп, народ, несли чудотворную икону. На углу Пречистенки бабы — «большевики стреляли в икону». От Телешовых благополучно дошли, хотя казалось, по городу уже шла стрельба. 28-го мы стрельбы почти не слышали, выходили.

Все было ожидание, что их скоро задавят. Слухов — сотни (опять!). «Каледин диктатор, идет в Москву» и т.д. «Труд» (газетка Минора) врала, что в Петербурге все (о, ужас, какой удар, всего потрясло) кончено — большевики разбиты. Вчера уже нельзя было выходить — стрельба. Близко Александровское юнкерское училище. О сегодня я уже писал. С фронта никого, хотя поминутно слух — «Москва окружена (опять!) правительственными войсками» и т.д. Ясно, дело плохо, иначе давно бы пришли. Сейчас Вере сказали слух: «Железнодорожники согласились пропустить войска с фронта, если будет социалистический кабинет». У нас в вестибюле дежурство, двери на запоре, все жильцы и «дамы» целый день галдят, врут, женщины особенно. Много евреев, противных. Изнурился от безделья, ожидания, что все кончится вот-вот, ожидания громил, — того, что убьют, ограбят. Хлеба дают четверть фунта. А что на фронте? Что немцы? Боже, небывалое в мире зрелище — Россия!

Десять часов вечера (30 октября). В девять часов погасло электричество и у Зои и у Юлия. У Телешова нет. Юлий сказал, что Т<елешов> передал — подписано соглашение большевиков и прочих партий. Но б<ольшевики> не могут унять солдат. Озлоблены и юнкера. К<атерина> П<авловна> говорила с Митей — Максимка в плену. (Клестов скрывается у <нрзб.>.) Все слухи: четыре тысячи казаков пришли, не могут войти, их не пускают большевики на Казанский вокзал, пришел ударный батальон, тоже не может войти, где-то под Москвой дикая дивизия и т.д. Я дежурил от шести до семи.

Большевистский студент собрал прислугу со всего дома — «она волнуется, говорит, зачем мы ворота бревнами закладываем, действуем против своих товарищей, надо с прислугой объясниться...». И объяснился: «Стрелять будем, если вы пойдете против нас». Возмущение.

В вестибюле сидел какой-то полурабочий, к каждому слову «в общем».

31 октября. Проснулся <в> восемь. Думал, все кончено (было тихо). Но нет, кухарка говорит, только что был оружийный удар. Теперь слышу щелканье выстрелов. Телефон для частных лиц выключен. Электричество есть. Купить на еду ничего нельзя. <Нрзб.> сказал, ударный батальон пришел, часть переправилась в лодках, швейцар будто бы видел — человек двести пошло к юнкерскому училищу.

Двенадцать часов дня. Прочел «Соц. демократ» и «Вперед». Сумасшедший дом в аду.

Один час. Оружийные удары — уже штук пять, близко. Снова — в минуту три раза. Опять то же. Два рода ударов — глуше и громко, похоже на перестрелку.

Семь с половиною часов вечера. За день было очень много оружийных ударов (вернее, все время — разрывы гранат и, кажется, шрапнелей), все время щелканье выстрелов, сейчас где-то близко грохотал по крышам тяжкий град — чего? — не знаю.

От трех до четырех был на дежурстве. Ударила бомба в угол дома Казакова возле самой панели. Подошел к дверям подъезда (стеклянным) — вдруг ужасающий взрыв — ударила бомба в стену дома Казакова на четвертом этаже. А перед этим ударило в пятый этаж возле черной лестницы (со двора) у нас. Перебило стекла. Хозяин этой квартиры принес осколок гранаты трехдюймовой. Был Сережа. День тяжелый, напряженный. Все в напряжении, и все всё ждут помощи. Но в то же время об общем положении России и о будущем никто не говорит, — видимо, это не занимает.

Хочется есть — кухарка не могла выйти за провизией (да и закрыто, верно), обед жалкий.

Лидия Федоровна чудовищно невыносима. Боже, как я живу!

Опять убирался, откладывал самое необходимое — может быть пожар от снаряда. Дом Коробова горел.

Юлий утром звонил. С тех пор ни звука. Верно, телефон не дают.

А что в деревне?! Что в России?!

Москву расстреливают — и ниоткуда помощи! А Дума толкует о социалистическом кабинете! Почему же, если телеграф нейтрален, Керенский не дает знать о себе?

Почти двенадцать часов ночи. Страшно ложиться спать. Загораживаю шкафом кровать.

1 ноября. Среда. Засыпая вчера, слышал много всяких выстрелов. Проснулся в шесть с половиною утра — то же. Заснул, проснулся в девять — опять то же. Весь день не переставая орудия, град по крышам где-то близко и щелканье. Такого дня еще не было. Серый день. Все жду чего-то, истомился. Щелканье кажется чьей-то забавой. Нынче в третьем часу, когда вышел в вестибюль, снова ужасающий удар где-то над нами. Пробегают не то юнкера, не то солдаты под окнами у нас — идет охота друг на друга.

Читал только «Социал-демократ». Ужасно.

В Неаполе в монастыре Camaldoli над Вомеро каждую четверть часа дежурный монах стучит по кельям: «Badate, è passato un quarto d'ora della vostra vita»*.

Пишу под тяжкие удары, щелканье и град.

Поповы — молодые муж и жена. Она княжна Туркестанова. Что за прелестное существо. Все раздает всем свои запасы. Объявление в «Русских ведомостях» от 22 октября. <Нрзб.>

Читал «Русские ведомости» за 21, 22, 24, 25. Сплошной ужас! В мире не было такого озверения. Постановление офицеров («Русские ведомости», номер от 25 октября).

Ходил в квартиру чью-то наверх, смотрел пожар (возле Никитских ворот, говорят). Дочь Буренина.

2 ноября. Заснул вчера поздно — орудийная стрельба. День нынче особенно темный (погода). Остальное все то же. Днем опять ударило в дом Казакова. Полная неизвестность, что в Москве, что в мире, что с Юлием! Два раза дежурил.

Народ возненавидел все.

Положение нельзя понять. Читал только «Социал-демократ». Потрясающий номер! Но о событиях нельзя составить представления. Часов с шести вечера стрельбы из орудий, слава Богу, чтобы не сглазить, что-то не слышно.

Одиннадцать часов вечера. Снова два орудийных удара.

4 ноября. Вчера не мог писать, один из самых страшных дней всей моей жизни. Да, позавчера был подписан в пять часов «Мирный договор». Вчера часов в одиннадцать узнал, что большевики отбирают оружие у юнкеров. Пришли Юлий, Коля. Вломились молодые солдаты с винтовками в наш вестибюль — требовать оружие. Всем существом понял, что такое вступление скота и зверя победителя в го-

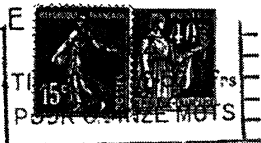
* «Внемлите, прошло еще четверть часа вашей жизни» (ит.).

CARTE POSTALE

Expédié par

Bouvine
A, rue Jacques
Offenbach, Paris
Aut. 17-88

50 / M. Ousvents
S. Liffar

Hôtel Vouillement
Rue Boissy-d'Anglas

Paris 8

Почтовая карточка, адресованная И.А. Буниным С.М. Лифарю.
На штемпеле дата: 23.X.1937.

род. «Вобщем, безусловно!» Три раза приходили, вели себя нагло. Выйдя на улицу после этого отсиживания в крепости — страшное чувство свободы (идти) и рабства. Лица хамов, сразу заполнивших Москву, потрясающе скотски и мерзки. День темный, грязный. Москва мерзка как никогда. Ходил по переулкам возле Арбата. Разбитые стекла и т.д. Назад, по Поварской — автомобиль взял белый гроб из госпиталя против нас.

Заснул около семи утра. Сильно плакал. Восемь месяцев страха, рабства, унижений, оскорблений! Этот день венца всего! Разгромили людоеды Москву!

Нынче встал в одиннадцать. Были Юлий, Митя, Коля, пошли в книгоиздательство. Заперто, Богданов у Никитских ворот <нрзб.>. Цинизм!!

Вечером был у Пушешниковых. Купил «Новую жизнь» несколько номеров. Сейчас читал номер от 3-го. О негодяи! Как изменили тон! Громят большевиков. Луначарский мерзавец. Достигнуто «Соглашение» <нрзб.>. Женский батальон в Петербурге насильовали. Из Москвы бегут юнкера, публика. И — «Соглашение»!

Командующий войсками Московского округа — солдат Муралов. Комиссар театров — Е.К.Малиновская. Старк тоже комиссар. О, Боже! Вишневский из Малого театра говорил, как запаскудили Малый театр. Разгромлен, разграблен Зимний дворец. Из Москвы бегут — говорят о «Варфоломеевской ночи». Восемь месяцев!

11 ноября. Нынче опять нет газет — опять праздновали вчера. Вчера хоронили «борцов» большевиков. В «Известиях В.-Рев. Комит.»: «Не плачьте над трупами павших борцов». Часа в два эти борцы — солдаты и «красная гвардия» возвращались с похорон по Поварской, между прочим. Вид — пещерных людей. Среди Москвы зарыли чуть не тысячу трупов.

Вчера самое ошеломляющее: Ленин сместил Духонина, назначил верховным главнокомандующим Крыленко. Да <...> Троцкий за Россию заключает мир! Того хочет сам русский народ!

Дни грязные, со снегом, с таянием.

21 ноября 12 ч. ночи. Сижу один, слегка пьян. Вино возвращает мне смелость, муть сладкую сна жизни, чувственность — ощущение запахов и пр. — это не так просто, в этом какая-то суть земного существования. Передо мной бутылка № 24 удельного. Печать, государственный герб. Была Россия! Где она теперь. О Боже, Боже. Нынче ужас <нрзб.>. Убит Духонин, взята ставка и т.д.

Возведен патриарх «всёя Руси» на престол нынче — кому это нужно?!

18 января 1918. Мокрая погода. Заседание в книгоиздательстве — по обыкновению, мерзкое впечатление. Шмелев, издавший за осень штук шесть своих книг, нагло гремел против издания сборников «Слово» и против авансов (значит, главное — против меня, так как я попросил, и мне постановили выдать в прошлом заседании тысячу рублей), когда «авторам за их книги не платят полностью». Уникум сверхъестественный, такого <...>, как Шмелев, я не видывал.

С утра расстроила «Власть народа» — «Киев взят большевиками». В других газетах этого нет.

Была Маня Устинова — приглашала читать у Лосевой. Говорила про А.Толстого: «Хам, без мыла влезет где надо, прибивается к богатым» и т.д. Провожал ее. Москва так мерзка, что страшно смотреть. Вечером у Мити. Юлий рассказывал, какой ужас, какая грязь, какая матерщина в чайной у Никитских ворот, где он чай вздумал пить.

Арбат по ночам страшен. Песни, извозчики нагло, с криком несутся домой, народ идет по середине улицы, тьма в переулках, Арбат полутемен. Народ выходил из кинематографа, когда я нынче возвращался, — какой страшный плебей! Поварская темна. Теперь, местами, когда темно, город очень хорош, заграничный какой-то.

16/29 апреля. День серый, а то все время чудесная погода. Был в сберегательной кассе, лучше все выбрать, в дикарских странах банки и кассы — <нрзб.>, прежде умней были — в землю зарывали. Чиновник, жалкая <нрзб.>, в очках, весь день пьет чай за своим барьером. Уверен — очень доволен жизнью, главное — служебными часами.

Лакей лет двадцати пяти, грек или полугрек, можно — одессит, можно — пароходный лакей. Довольно высок, длинные ноги, пиджачная черная парочка, волосы черные — на косой ряд, завитком, коком, как у какого-нибудь лаборанта, надо лбом, пенсне, большой кадык, служит очень молчаливо, вечная сдержанность, вечное мысленное пожимание плечом — «что ж, делать нечего, будем лакеем!». Может стать преступником.

Одесса, весна, часов двенадцать ночи, чистая, пустая уже улица — приятно идти. Свежая зелень каштанов, в ней — фонари. Еврей, небольшой, кругленький, довольно приятный даже, идет, снял шляпу. Превосходное расположение духа. Был в гостях, там в гостиной на четвертом этаже, с отворенной на балкон дверью, пела молодая женщина с большой грудью. Гостиная тесная, противная, мерзкие картины в тяжелых багетах, атласные пуфы и т.д. <нрзб.> В «Парус» (для альманаха) послал (уже недели две тому

назад): «Золотыми цветут острями...», «Просыпаюсь в полумраке...», «Этот старый погост...», «Стали дымом...», «Тает, сияет...», «Что впереди» и «Мы рядом шли...».

12 ч. ночи 17/30 апреля. Утром отвратительное ощущение — ходил в Лионский кредит, в сейф за чековой книжкой. Со зла взял из ящика все — черновики, письма, столовое серебро и т.д. — оставил только бумагу в 500 р. — кажется, военный заем. Скандал — у Глобы пропало кольцо бриллиантовое ценой тысяч в десять. Хам, который его, очевидно, украл, — начальство от большевиков, ужасно орал и все твердил одно: если бы оно тут было, то оно бы и было тут.

Москву украшают. Непередаваемое впечатление — какой цинизм, какое <...> издевательство над этим скотом — русским народом! Это этот-то народ, дикарь, свинья грязная, кровавая, ленивая, презираемая ныне всем миром, будет праздновать *интернационалистический* праздник! А это хамское, несказанно-нелепое и подлое стаскивание Скобелева! Сволокли, повалили статую вниз лицом на грузовик... И как раз нынче известие о взятии турками Карса! А завтра, в день предания Христа — торжество предателей России!

Вечером у Авиловых. Слава Богу, дождь! Если бы и завтра, да сколь возможно проливной! Вот уж поистине все чуда ждешь, — так страшно изболела душа! Хоть бы их гроза убила, потоп залил! Говорят, возмущенных этим стаскиванием памятников очень много. (Да какой там черт, это наше возмущение!) «Немцы (или турки) приказали стаскать!» Домовый комитет наш трусит, — ищет красной материи на флаги, боится, что не исполнит приказания «праздновать» и пострадает. И во всей Москве так. Будь проклят день моего рождения в этой проклятой стране!

А Айхенвальд — да и не один он — всерьез толкует о таком ничтожнейшем событии, как то, что Андрей Белый и Блок, «нежный рыцарь Прекрасной Дамы», стали большевиками! Подумаешь, важность какая, чем стали или не стали два сукина сына, два набитых дурака!

1 мая, 12 ч. дня. С утра серо, холодно. Сейчас проглядывает и тает солнце. Чудовищно-скотские подробности поведения Дыбенко (началось его дело). Идиотски-риторические вопли Андрея Белого в «Жизни» по поводу 1-го мая. Вообще газета эта верх пошлости и бесстыдства. А меж тем в ней чуть не все наши знаменитости. Негодяи!

Везет им! День очень хороший, солнечный, хотя сильно прохладный. Выходил, был на Арбатской площади, на Ни-

китской. Город довольно чист и очень довольно пуст. Оживления в толпе, на лицах нет. Был Цетлин (Мих. Осип. — 1-51-88), приглашал в эсеровскую газету (Бунаков, Вишняк и т.д.). Литературный отдел все тоже очень сплывающаяся за последнее время <...> компания — Гершензон, Шестов, Эренбург, В.Инбер и т.д. Дал согласие — что делать! Где же печататься, чем жить? Спрашиваю: «Отчего нет Бальмонта?» — «Да он, видите ли, настроен очень антисоциалистически».

2/19 мая, 11 ч. вчера. Воротился в десять от Юлия. Фонарей нет — зато вчера праздновали — горели до двенадцати, против всякого обыкновения. Темно на Арбате, на площади — на Поварской-то всегда с десяти темно. Противно бешенство хрюкающих автомобилей, на площади костерчик вдали, грохот телег ломовых — в темноте не тот, что при огне. Дома высоки.

День прохладный, но теплый, солнце, облака. В двенадцать был в книгоиздательстве — Клестов говорит, что они хотят отменить торговлю — всякую <...>. Потом — к Фриче! Узнать о заграничных паспортах. Нет приема. Сказал, чтобы сказали мою фамилию, — моментально принял. Сперва хотел держаться официально — смущение скрываемое. Я повел себя проще. Стал улыбаться, смелей говорить. Обещал всяческое содействие. Можно и в Японию, «можно скоро будет, думаю, через Финляндию, тоже и в Германию...».

Два раза был в «Новой жизни» на Знаменке. «Это помещение занято редакцией «Новой жизни» по постановлению такого-то комиссариата» — это на дверях. Однако, когда я был там в пять часов, их, оказывается, хотят «вышибать» латыши. «Могут и стрелять — от латышей всего можно ждать». Когда выходил — бешеный автомобиль к их дверям, солдаты, винтовки. В редакции барышня-еврейка, потом Моисей Яковлевич (смесь кавказца с евреем), еще какой-то грязный тощий еврей (не Авилон ли?), Базаров — плебейского вида остолоп, Суханов. У Фриче все служащие тоже евреи.

В шестом <часу> был с Верой у Коган. Коган перековал язычок — уже ругает большевиков. Бессовестный!.. Лариса вышла за Альтрозера.

Надежда Алексеевна была в «Метрополе» у Рейснеров. Рейснеры будто бы все стараются держаться аристократами, старик будто бы барон и т.д.

Идя к Коганам, развернул «Вечернюю жизнь» — взята Феодосия! Севастополь «в критическом положении». Каково! Взят Карс, Батум, Ардаган, а по Поварской нынче автомобиль с турецким флагом! Что за адская чепуха! Что за народ мы, будь он трижды и миллион раз проклят!

Митя был на Красной площади. Народ, солдаты стреляют, разгоняют. Народ волнуется, толпится против башни, на которой вчера завесили кумачом икону, а кумач на месте иконы истлел, исчезал, вываливался. Чудо!

4 мая (21 апреля). Великая суббота. Интеллигенты — даже из купцов — никогда не упускали случая похвастаться, что пострадали за студенческие беспорядки и т.п.

12 ч. 45 м. ночи. Вчера были с Колей против Никольских ворот. Народ смотрит на них с Никольской, кучка стоит на углу Музея. Мы стояли там. Одни — «чудо», другие его отрицают: гнусный солдат латыш, отвратное животное еврей студент, технолог, что ли; в кучке этой еще несколько (безмолвствующих, видимо, желающих понять «как дело») евреев. Меня назвали «чиновником старого режима» за то, что я сказал студенту, что нечего ему, нерусскому, тут быть. Потом суматоха — солдаты погнались в шею какого-то купца. Студент кричал на меня: «Николаевщиной пахнет!» — науськивал на меня. Злоба, боль. Чувства самые черносотенные.

В шесть у Ушаковой. Она рассказывала, что в Киеве офицерам прибывали гвоздями погоны.

Сегодня опять 37 — я почти всю зиму болел в этой яме. Боже, Господи, какая зима! И совершенно некуда деться!

Немцы мордуют раду. «Самостийность», кажется, им уже не нужна больше. Чувство острого злорадства.

Вчера от Ушаковой зашел в церковь на Молчановке — «Никола на курьей ношке». Красота этого еще уцелевшего островка среди моря скотов и убийц, красота мотивов, слов дивных, живого золота дрожащих огоньков свечных, траурных риз — всего того дивного, что все-таки создала человеческая душа и чем жива она — единственно этим! — так поразила, что я плакал — ужасно, горько и сладко!

Сейчас был с Верой там же. «Христос воскрес!» Никогда не встречал эту ночь с таким чувством! Прежде был холоден.

На улицах — полная тьма. Хоть бы один фонарь дали, мерзавцы! А 1-го мая велели жечь огонь до 12 ч. ночи.

А в Кремль нельзя. Окопались <...> Тр... <?> пропустил только пятьсот — избранных — да и то велел не шататься возле церквей. «Пришли молиться, так молитесь!»

О, Господи, неужели не будет за это, за эту кровавую обиду, ничего?! О какая у меня нестерпимая боль и злоба к этим Клестовым, Троцким, матросам.

Матрос убил сестру милосердия — «со скуки» (нынешний номер подлейшей газеты «Жизнь»).

У светлой заутрени Толстой с женой. В руках — *рублевые* свечи. Как у него все рассчитано! Нельзя дешевле. «Граф

прихожанин»! Стоит точно в парике в своих прямых бурых волосах à la мужик.

Нынче шла крупа. Весь день дома.

Пасхальные номера газет — верх убожества.

Какой напев нынче «Волною морскою...». Нежная гордость, что Господь покарал «гонителя-мучителя», скромная радость, грусть...

5 мая (22 апреля) 1918 г. Плохие писатели почти всегда кончают рассказ лирически, восклицанием и многоточием.

Как дик культ Пушкина у поэтов новых и новейших, у этих плебеев, дураков, бестактных, лживых — в каждой черте своей диаметрально противоположных Пушкину. И что они могли сказать о нем, кроме «солнечный» и тому подобных пошлостей! А ведь сколько говорят!

Светлый день, а я все думаю о народе, о разбойниках мужиках, убийцах Духонина, Кокошкина, Стрельцовой. Нет, надо бы до гробовой доски не поднимать глаз на этих скотов!

Вместо Немецкой улицы — исторического, давнего названия — улица Баумана! О! И этого простить нельзя!

Прошлую ночь заснул в пять часов утра.

7 мая (24 апреля). Вечером на первый день у Зои (сперва у Каменских) очень напился. Как только дошел — как отрубил — с этого момента ничего не помню. Очнулся в пять утра. Весь день очень страдал — сердце. *Нельзя, нельзя уже так пить.*

От Каменских шли мимо памятника Александру III. У него отбили нос. Кучка народа, споры — диаметрально противоположные мнения. Много озлобленных против большевиков. (Я шел к Каменским — вслух ругал засевших в запертом Кремле — проходящие — из народа — горячо подхватывают.) И тут — самый мерзкий и битый дурак — студент <...>.

Вчера у Чулковых. Койранские, Щепкина-Куперник (очень, очень приятна, — что значит прежнее литературное поколение!). Все нездоровилось — все около 37 — погибаю в этом подвале у Муромцевых — а деться буквально некуда! Всю зиму всю голову сломал — куда бы уехать! Нынче с утра опять почти 37. К вечеру нынче чувствую себя лучше. Холод на дворе, у меня холод как в могиле.

Ездил искать «Речь» пасхальный номер — на трамвае солдат у солдата разрезал мешок, накрал, в колени зажал пирожков. «Отдай, сукин сын!» Кругом: «В морду, в морду-то его! В комиссариат!» Злоба, грубость всюду — несказанные!

Опять слухи: в Петербурге — бунт, в Киеве уже монархия.

Перечитал «Записную книжку» Чехова. Сколько чепухи, нелепых фамилий сколько записано — и вовсе не смешных и не типичных — и какие все сюжеты! Все выка-

пывал человеческие мерзости! Противная эта склонность у него несомненно была.

8 мая (25 апреля). День большого непрерывного волнения: переворот на Украине («Экстренный выпуск «Известий»). Прочли этот выпуск с Колей у Юлия. Радость, злорадство острое.

Светлый холодный день.

У нас было много народу (наша «Среда»). Масса слухов: Мирбах требует выгнать латышей, Мирбах отзывается, на его место — фон Тирпиц (Мирбах слаб!) и т.д.

9 мая (26 апреля). Самый лучший, необходимый паспорт, и теперь еще выдаваемый газетами общественному деятелю: он верил... он верит... я верю в светлое будущее России, «в революцию» и т.д.

Светлый холодный день. С утра все время — чтение газет. В пять на обед к Пашуканису (изд. «Мусает»).

Художник Ульянов, Бальмонт, Белый. Зоя, Лид. Ив. Некрасова, Вера, я, муж Лидии Ивановны.

Сперва все время мой спор с Андреем Белым. Он вывертывается, по-моему, отрекаясь от большевиков, болтая мутно все одно, смысл чего: из этой грязи и крови родится нечто божественное — и т.д. При встречах он, впрочем, всегда симпатичен. Бальмонт был разумен, прост.

10 мая (нов. стиля). Серый, очень холодный день.

Был <нрзб.>, просил участвовать в «Палестинском вечере», был Цетлин — просит рассказ в свою газету («Возрождение»).

Звонил из типографии Левинсон метранпаж. Спрашиваю: «Кто говорит?» Отвечает: «С вами говорит товарищ Морозов». Боже мой, сам себя называет «товарищем» — чего же ждать от этой «демократии»!

13 мая. Позавчера почти весь номер «Новой жизни» — травля кадетов. Горького статья особенно — нечто выдающееся по глупости, низости, наглости, злобе.

Все дни — слух, слух — и у всех страстное ожидание переворота на манер киевского.

Вчера «Среда». Читал Лидин («Олень»), стихи — Ходасевича и Копылова <...> Эренбург, Соболь — все наглет. Эренбург опять стал задевать меня — пшютовским, развязным, задирчивым тоном. Шкляр — «страстную» речь по этому поводу. Я сказал: «Да, это надо бросить!» Начался скандал. Толстой злой на меня за «Элиту», на их стороне. «Эренбург — большой поэт». А как он три месяца тому назад, после чтения стихов Эренбургом, ругал Эренбурга <...>!

Нынче говорил на углу с газетчиком и еще <с> кем-то из народа. Бесплезно! В голове тьма, путаница самых про-

тивоположных вещей, в сердце — только корысть, материальное. «У Николая четырнадцать миллиардов золотом, вот он и нанимает белогвардейцев».

Позавчера Телешов рассказывал, как на него замахнулся хлыстом (в банке) какой-то «товарищ» — из начальства при банке — и крикнул: «Молчать!»

Клестов говорит, что б<ольшевики> решили <начать> ужаснейший террор против «кадетов».

14/1 мая. Утром в десять, когда я еще в постели, — Арсик — плачет — умерла Варвара Владимировна.

Весь день и в момент этого известия у меня никаких чувств по поводу этого известия. Как это дико! Ведь какую роль она сыграла в моей жизни! И давно ли это было — она, молоденькая, мы приехали с ней в Полтаву... Ехали — в Харькове на вокзале поцеловала у меня руку и... (На этом автограф обрывается. — А.Б.).

СПИСОК УСЛОВНЫХ СОКРАЩЕНИЙ

Дневник — Устами Буниных. Дневники Ивана Алексеевича и Веры Николаевны и другие архивные материалы / Под ред. Милицы Грин: В 3-х т. Франкфурт-на-Майне, изд-во «Посев». Т. 1, 1972; т. 2, 1981; т. 3, 1982.

ИМЛИ — Институт мировой литературы им. М.Горького Российской Академии наук.

ЛН — Литературное наследство. М., Наука, 1973. Т. 84. Кн. 1–2.

«Материалы» — Бабореко А. К. И.А. Бунин. Материалы для биографии. 2-е изд. М., Художественная литература, 1983.

МТ — Государственный литературный музей И.С. Тургенева в Орле.

РГАЛИ — Российский государственный архив литературы и искусства.

РГБ — Российская государственная библиотека.

ДНЕВНИК 1917–1918 гг.

Впервые опубликован в Собрании сочинений в шести томах И.А. Бунина, т. VI. М., «Художественная литература», 1988. Отрывки, с большими искажениями текста, напечатаны в «Новом мире», 1965, № 10.

Для настоящего издания тексты сверены по автографу (*РГБ*, ф. 622 Н.П. Смирнова-Сокольского, карт. 3, ед. хр. 33), восстановлены фразы, где были сделаны редакцией купюры; дневниковые записи дополнены отрывками, которые в VI том названного выше издания не попали в силу объективных причин, связанных с работой над автографом.

Август

Стр. 29. *Маня... Лидя Лозинская.* — В с. Глотове, Орловской губ., бывали у Бунина Лидия Алексеевна Лозинская и ее сестры Маня и Зина, дочери местного лавочника. Маня была замужем за Петром Алексеевичем Пушешниковым (?—1945), зубным врачом, братом упоминаемого в дневнике Коли — Н.А. Пушешникова (1882—1939), переводчика Голсуорси, Киплинга, Дж. Лондона, Тагора. Лозинские были люди культурные. Матери Пушешниковых, Софье Николаевне Пушешниковой (?—1942), двоюродной сестре Бунина, принадлежало в Глотове имение Васильевское, где он обычно проводил лето и многое здесь написал.

Отослал книгу Нилуса Клестову. — Рукопись книги рассказов художника и писателя Петра Александровича Нилуса «На берегу моря» была послана Буниным Н.С. Клестову (псевд. Ангарский) (1879—1943), заведовавшему практическими делами «Книгоиздательства писателей в Москве». Бунин редактировал рукопись этой книги и держал корректуру. Вышла в феврале 1918 г.

Письмо Нилусу. — 30 июля 1917 г., см.: «Письма Бунина Нилусу» в журн. «Русская литература». 1979, № 2.

...толковали об «Архаломеевской ночи»... — искаж. Варфоломеевская ночь, массовые убийства гугенотов, приверженцев кальвинизма, католиками в ночь на 24 августа 1572 г. (день св. Варфоломея) в Париже.

Колонтаевка — имение глотовских помещиков Бахтеяровых. Изображено Буниным в «Митиной любви» под названием Шаховское. О Колонтаевке — стихи Бунина «Рыжими иголками...».

Предтечево — село, где было имение Алексея Алексеевича Муромцева, двоюродного дяди В.Н. Муромцевой-Буниной. Он является прототипом улана Черкасова в рассказе «Натали».

Стр. 30. *Юлий* — брат Бунина, Юлий Алексеевич (1857—1921) — журналист, участник народнического движения.

Федор Демитриевич — лесник, охотник, бывший дворовый Пушешниковых; жил в избушке в лесу; мужики считали его колдуном.

Скородное — соседний лес; принадлежал помещикам Победимовым.

Гоц Абрам Рафаилович (1882—1940) — эсер. В 1917 г. председатель ВЦИК. После Октябрьской революции организовал антисоветский мятеж.

Дан (Гурвич) Федор Ильич (1871—1947) — один из лидеров меньшевиков. В 1917 г. член исполкома Петроградского совета, ВЦИК. В 1922 г. выслан за границу.

Авксентьев Николай Дмитриевич (1878—1943) — один из лидеров эсеров; министр внутренних дел во втором коалиционном Временном правительстве Керенского.

Керенский Александр Федорович (1881—1970) — один из лидеров партии эсеров, премьер-министр Временного правительства и верховный главнокомандующий. Эмигрировал в Париж, где издавал газету «Дни», в ней печатался Бунин.

Женя — Евгений Иосифович Ласкаржевский (1899—1919), сын сестры Бунина, Марии Алексеевны.

«Новая жизнь». — Организатором, редактором и пайщиком этой газеты был Горький. Он просил Бунина сотрудничать в ней. Издавалась в Петрограде с 18 апреля (1 мая) 1917 г. по июль 1918 г.; с июня 1918 г. выходила в двух изданиях — в Петрограде и в Москве.

Стр. 32. *А Шмелевы лгут, лгут про русский народ!* — Шмелев Иван Сергеевич (1873—1950) — писатель, вел спор с Буниным о русском народе на собрании «Книгоиздательства писателей в Москве» 21 апреля 1918 г.

...взял «Раннее утро». Прочел первый день московского совещания. — Газ. «Раннее утро» (М., 1917, № 185, 13 августа) сообщала о «Всероссийском государственном совещании», проходившем в Большом театре под председательством Керенского. Газ. «Русская воля» оценивала совещание как столкновение «буржуазии с революционной демократией». Делегаты большевиков получили на конференции наказ огласить свою декларацию и демонстративно покинуть совещание.

Стр. 33. *Умирает на Элефантине...* — Элефантина — остров на Ниле.

Статья Кусковой. — Кускова Екатерина Дмитриевна (1869—1958) — публицист. В 1922 г. выслана за границу. О ней Бунин сказал: «Эта вечная нестерпимая резонерша мадам Кускова». По его мнению, она принадлежала к той интеллигенции, которая не знала русской деревни и русского народа.

Читал... Масперо о Египте... о путешествии Бауку... — В книге французского ученого Масперо «Древняя история Египта. Ассирия» Бунина захватило повествование о царском конюшном Бауку, посланном по приказу фараона Рамзеса II во вражеский стан.

Вернон Ли (1856—1935) — английская писательница, автор романов, комедий, трудов по истории искусства и культуры.

Стр. 35. *...ездили... кататься... к Крестам...* — Кресты — перекресток дорог, куда Бунин с женой совершали прогулки.

Стр. 36. *Перечитываю «Федона»*. — Сочинение древнегреческого философа Платона (ок. 427—ок. 347 до н.э.) о Сократе, написанное в форме диалога. Бунина необычайно волновала смерть Сократа, осужденного на казнь (принял яд) за его учение, которое он излагал устно: записано учениками Ксенофонтом и Платоном. Сократ стремился к нравственному возрождению общества в борьбе с софистами, пришедшими к скепсису и к утверждению относительности нравственных понятий, отстаивавшими прагматические воззрения на жизнь в противоположность поискам абсолютной истины. Нравственные идеи Сократа находят выражение в творчестве Бунина, в частности в рассказах «Возвращаясь в Рим» и «Бернар».

Мартов (Цедербаум) Юлий Осипович (1873—1923) — меньшевик, с 1919 г. член ВЦИК. Эмигрировал в 1920 г.

...деревья... точно бёклиновские... — то есть чем-то — красками — схожие в живописью швейцарского художника Бёклина Арнольда (1827—1901).

Начал читать Н. Львову. — Львова Надежда Григорьевна (1891—1913) — автор сборника стихов «Старая сказка», с предисловием В.Я. Брюсова, который посвятил ей книгу «Стихи Нелли»; двадцати двух лет, в 1913 г., покончила самоубийством. О ней писали Эренбург и Ахматова.

Вилье де Лиль Адан Филипп Огюст Матиас (1838—1889) — французский писатель. Принадлежал к группе поэтов «Парнас», затем примкнул к символизму. Брюсов предсказывал, что «Жесткие рассказы» станут произведениями классическими для многих поколений.

Стр. 37. «Стихи духовные», СПб., 1912.

Гиппиус Зинаида Николаевна (1869—1945) (псевд. Антон Крайний) — писательница, критик, жена Д.С. Мережковского.

Аресты великих князей... — Газ. «Русское слово» (1917, № 192, 23 августа) писала: «В ночь на 22 августа во дворцы, занимаемые великим князем Михаилом Александровичем, в Гатчине, и великим князем Павлом Александровичем, в Царском Селе, прибывши в автобусах следственные власти, а также комиссар над петроградским градоначальством. По распоряжению Временного правительства были подвергнуты домашнему аресту великие князья. <...> Как выяснилось, во время арестов великих князей присутствовал А.Ф. Керенский».

Стр. 38. *Книга Полевого* Н.А. (1796—1846) — «История народа русского» (т. 1—6).

Митя... — Пушешников Дмитрий Алексеевич (?—1954), юрист.

...объявление Керенского... — «Русское слово» (1917, № 196, 28 августа) опубликовало воззвание «От министра-председателя Керенского: «26 августа генерал Корнилов прислал ко мне члена Государственной думы В.Н. Львова с требованием Временному правительству передать генералу Корнилову всю полноту власти». Керенский, сообщалось далее в воззвании, уволил Корнилова от должности верховного главнокомандующего, объявил Петроград на военном положении.

Арсик — Бибиков Арсений Николаевич (1873—1927), актер и киноактер, друг Бунина; автор стихотворений и рассказов, печатавшихся в журналах «Юная Россия», «Наш журнал», член Московского литературно-художественного кружка.

Рышковы — соседи Буниных по имению в Озерках.

Каледин Алексей Максимович (1861—1918) — атаман войска Донского. В октябре 1917 г. возглавил антисоветский мятеж.

Сентябрь

Стр. 39. «Русское слово» от 31-го и 1-го. — 31 августа напечатана заметка «Капитуляция ген. Корнилова»; а 1 сентября — заголовки во всю страницу: «Ликвидация Корниловского мятежа», большая часть его войск перешла на сторону Временного правительства.

Каменев (Розенфельд) Лев Борисович (1883—1936) — член ЦК партии большевиков, Петроградского совета и его исполкома, ВЦИК. Редактор газеты «Правда».

Стеглов (Нахамкис) Юрий Михайлович (1873—1941) — в 1917 г. член исполкома Петроградского совета.

...газеты... переворот... — «Русское слово» сообщало 3 августа: «Кризис власти. — Провозглашена республика. — Арест ген. Корнилова... Отставка Авксентьева...»

Либер (Гольдман) Михаил Исаакович (1880—1937) — видный меньшевик, в 1917 г. член исполкома Петроградского совета, ВЦИК.

Кишкйн Николай Михайлович (1864—1930) — кадет, в 1917 г. входил в состав Временного правительства.

Стр. 40. *Жемчужников* Алексей Михайлович (1821—1908) — поэт, один из создателей Козьмы Пруткова. Много позднее, вспоминая свои начальные литературные успехи, Бунин о нем сказал: «Жемчужников, проводивший меня в «Вестник Европы».

Савинков Борис Викторович (псевд. В.Ропшин) (1879—1925) — эсер, во Временном правительстве — товарищ военного министра; писатель, автор повести «Конь бледный» (1909), романа «То, чего не было» (1914), «Книги стихов» (Париж, 1931).

Стр. 42. ...письмо Кусковой. — Бунин писал Кусковой Екатерине Дмитриевне: «С величайшим удовольствием увидел сегодня, что из списков сотрудников «Власти народа» внезапно исчезло мое имя. Вам хорошо известно, сколь мало заинтересован я числиться в нем, но ведь это нарушение самой элементарной пристойности, дерзость, на которую я впервые натываюсь в редакционном мире. Совершенно уверенный, что это сделано без вашего ведома, пишу все же вам, так как приглашали меня во «Власть народа» вы» (МТ). Позднее Бунин сообщал брату Юлию Алексеевичу, что Кускова прислала письмо, «вывертывается». Я ответил ей очень ласково» (там же). Пятого октября 1917 г. он также писал Ю.А. Бунину: «Из «Новой жизни» меня, слава Богу, вычеркнули».

Стр. 43. ...декларация правительства... — Опубликовано за подписью А.Керенского в газ. «Русское слово», 1917, № 220, 27 сентября, под заглавием «Новая власть».

Малянтович Павел Николаевич (1869—1941) — адвокат, министр юстиции Временного правительства. Подписал ордер на арест Ленина. В 1930-е гг. репрессирован.

Октябрь

Брешко-Брешковская Екатерина Константиновна (1844—1934), («Бабушка») — один из лидеров партии эсеров, в 1917 г. поддерживала Временное правительство. В 1919 г. эмигрировала.

Стр. 44. ...удинение Логофетовой усадьбы... Наше родовое. — Имение принадлежало когда-то матери Бунина, потом помещику Логофету и, наконец, его нищему сыну, пьянице. В этой усадьбе над ним совершилось возмездие. Брат Бунина, Юлий Алексеевич, участник народнической подпольной работы, скрывался от полиции у родителей. Его арестовали по доносу. «...На следующий день, — пишет В.Н. Муромцева-Бунина, — как Логофет донос на Юлия, его убило дерево, которое рубили в саду» (Муромцева-Бунина В.Н. Жизнь Бунина. Беседы с памятью. М., «Советский писатель», 1989, с. 52).

Стр. 45. *Эрфуртская программа* — принята социал-демократической партией Германии на съезде в Эрфурте в 1891 г.

Стр. 46. *Милюков* Павел Николаевич (1859—1943) — историк, публицист; министр иностранных дел Временного правительства. В эмиграции, в Париже, издавал газету «Последние новости», в которой часто печатался Бунин.

Бурцев Владимир Львович (1862—1942) — публицист; в его газете «Общее дело» печатались произведения Бунина.

Скиталец (Петров) Степан Гаврилович (1869—1941) — писатель.

Стр. 47. *Маша* — Бунина Мария Алексеевна (1873—нач. 1930-х гг.).
Софья — С.Н. Пушешникова.

Стр. 48. ...спустить шкуру... со всех этих Венгеровых. — Венгеров Семен Афанасьевич (1855—1920) — историк литературы, библиограф; возглавлял многотомное издание «Русская литература XX века». Для Бунина неприемлемо было освещение декадентской литературы в этом издании. Н.А. Пушешников пишет: Иван Алексеевич читал биографию А. Белого в «Истории русской литературы» Венгерова, написанную Ивановым-Разумником.

«Он кричал, кусал кулаки, бросался на свой малиновый диван вниз лицом.

— Я теряюсь! У меня нет сил выразить то, что я испытал, читая эту биографию А. Белого — это какое-то исчадие книжности!»

Белый, продолжал Бунин, «не может сказать ни единого простого человеческого слова! Все у него надуманное, мертвое, книжное!.. Ни одного живого слова. И главное: об этом никто не кричит, никто не говорит, точно во всем этом нет ничего показательного, страшного даже» (Дневник Н.А. Пушешникова, МТ).

«Село Степанчиково» — повесть Достоевского «Село Степанчиково и его обитатели».

Всю жизнь... «о подленьком...» — Бунин резко критически высказывался о Достоевском, но все же, несмотря ни на что, для него Достоевский — гениальный писатель.

Стр. 49. *Арси́к* — сын Евгения Алексеевича Бунина; род. в 1917 г. В.Н. Муромцева-Бунина писала Ю.А. Бунину 18 октября 1917 г.: «Наши из Ефремова приехали, на Яна (И.А. Бунина. — А.Б.) это подействовало хорошо. Он очень полюбил Арсика, все плюется и говорит, «как бы не взглянуть этого ангела».

Стр. 50. ...хутор *Лу́кьян Степанова!* — По-видимому, этот хутор и его владелец дали впечатления Бунину для изображения Лукьяна Степанова в рассказе «Князь во князьях», жившего с семьей в землянке, хотя по своим средствам мог бы жить в хорошем доме.

Убирался, запаковывал черный сундук. — О сборах к отъезду в Москву, которые были начаты несколько раньше, Н.А. Пушешников записал в дневнике: Бунин складывал в громадный железный сундук охотничье ружье, фотоаппарат, «тропические белые шляпы, в которых он путешествовал на Цейлон и в Африке. <...> Потом мы убирали книги дедовской библиотеки: первые издания Карамзина. Баратынского, Веневитинова, «Аббадонну» Полевого, «Камчадалку» Калашникова и пр. («Кота Мурра» <Гофмана> в переводе Кетчера, Лажечникова)». Была также, в числе прочих, книга, подаренная Бунину Чеховым, с надписью: «Милый Иван Алексеевич, я тоже когда-то писал стихи, и написал два стихотворения.

<...>». «И он, — пишет Бунин, — сказал мне, даря эту книгу и смеясь: «Честное слово, это мои стихи, написанные в Таганроге, когда мне было восемь лет». Книжка эта вместе с множеством других книг, среди которых было немало просто драгоценных, погибла после нашего бегства из Васильевского, в конце октября 1917 года» (Письмо Бунина — Г.В. Адамовичу. — В сб.: А.П. Чехов. Сборник статей и материалов. Симферополь, 1962, с. 27—28).

...выборы в Учредительное собрание. — Эти выборы интересовали Бунина. Он писал Ю.А. Бунину: «Пропал, кажется, мой голос на выборах в Учредительное собрание! Надеюсь быть в Москве во время выборов, но внесен ли я по Москве в списки?» (МТ). Позднее Бунин сказал: «Учредительное собрание, которое погубило страну!»

Стр. 53. *Луда* — Л.А. Лозинская.

Зилов Лев Николаевич (1883—1937) — писатель, автор стихов и рассказов.

Стр. 54. *Пишибышевский* Станислав (1868—1927) — польский писатель, популярный в России в 1900—1910 гг.

Альтенберг Пётр (1859—1919) — австрийский писатель-импрессионист.

Фофанов Константин Михайлович (1862—1911) — русский поэт; бедствовал и умер в нищете.

...*Поварская*, 26. — В этот приезд в Москву Бунин и Вера Николаевна жили у ее родителей, Муромцевых, в квартире № 2.

Катерина Павловна — Пешкова (1876—1965), жена Горького.

Стр. 56. *Приютили нас Барченко*. — Н.А. Пушешников записал в дневнике: «В Ельце остановились у Б<арченко>. Вечером К. играл нам Лорелею и Кампанеллу Листа». Барченко Василий Ксенофонтович — присяжный поверенный Елецкого окружного суда, а затем владелец нотариальной конторы; жил он во дворе этой конторы, в двухэтажном бревенчатом доме. У Барченко Бунин, приезжая в Елец, попадал в общество местной интеллигенции: это — мировой судья Архангельский Николай Петрович, окончивший Казанский университет и завершивший юридическое образование в Варшаве; харьковский певец-бас Горшков Александр Владимирович, подолгу гостивший в Ельце; Соколова, дочь священника, консерваторка, обладавшая прекрасным колоратурным сопрано; Кишкун, судебный деятель, отличный пианист. В этом кругу часто устраивались домашние концерты. По видимому, Кишкин — тот самый К., игру которого слушал Бунин. (За эти сведения о елецких знакомых Бунина я признателен доценту Елецкого педагогического института С.В. Красновой.)

Телешов Николай Дмитриевич (1867—1957) — писатель.

Ноябрь

Стр. 58. *Объявление в «Русских ведомостях» от 22 октября... Читал «Русские ведомости» за 21, 22, 24, 25. Сплошной ужас!* — Объявление — о выпуске новых денег. Газета сообщила о беспорядках, погромах и грабежах. В местечке Полонном Волынской губернии «солдаты производят повальные обыски и грабежи жителей. <...> В Житомирском уезде с целью грабежа вырезана еврейская семья». Буйствующие солдаты, бежавшие с фронта, в различных губерниях громили винные заводы и магазины.

В № 243, 24 октября (6 ноября) Бунин прочитал письмо в редакцию известного толстовца, руководившего издательством «Посредник», которое основал Толстой, — И.И. Горбунова-Посадова: «Истребление усадьбы брата Льва Толстого». Усадьба Сергея Николаевича Толстого Пирогово, Тульской губ.

В № 244, 25 октября (7 ноября) — «Постановление г. офицеров л.-гв. Петроградского полка». В нем говорится, что солдаты «жадут только мира, не хотят воевать». «Войска, как такового, нет. Мы, офицеры, как начальники, не существуем. Армия в теперешнем составе и управляемая по теперешней системе, защищать государство не может».

Буренин Виктор Петрович (1841—1926) — поэт и фельетонист газеты «Новое время».

Стр. 60. *Малиновская Елена Константиновна* (1875—1942) — директор Большого театра в 1920—1924, 1930—1935 гг.

Старк Леонид Николаевич (1889—?) — поэт.

Духонин Николай Николаевич (1876—1917) — генерал.

Крыленко Николай Васильевич (1885—1938) — в 1917 г. член Петроградского военно-революционного комитета. С 9 ноября 1917 г. — Верховный главнокомандующий.

Возведен патриарх... на престол... — Патриарх Московский и всея Руси Тихон (Белавин Василий Иванович, 1865—1925), возведен на патриарший престол Святейшим Собором Православной Церкви 1917—1918 гг., который открылся в праздник Успения Пресвятой Богородицы 15 августа (28-го нов. ст.) 1917 г. В храме Христа Спасителя 5 ноября 1917 г. было объявлено о избрании Патриарха. Началось жертвенное служение владыки, не мирившегося с гонениями большевиков на Церковь и ее служителей. Его самого заключали в тюрьму, лживо обвиняли в призывах к «черносотенным погромам», требовали казни. Два епископа из тех, что служили Литургию 15 августа, вскоре были казнены. Было убито тридцать епископов, восемьдесят заключено в тюрьму и отправлено в ссылку. Часть духовенства объединилась в организацию «Живая церковь»; эти «обновленцы» решили оболгать Патриарха и с помощью подлога возглавить Церковь («Литературная Россия», 1990, № 1, 5 января). Философ и религиозный деятель Сергей Булгаков, живший в Париже, назвал «живоцерковников» — «разбойничьим сборищем». Это, как они себя называли, «прогрессивное духовенство» пользовалось поддержкой ГПУ.

Работа Собора была прервана большевиками. Деяния Собора изданы в 1918 г. в десяти томах.

Собор не принял никаких решений, которые могли бы соответствовать идеологии «обновленцев».

Патриарх Тихон причислен Русской Православной Церковью к лику святых.

1918

Апрель

Стр. 62. ...*подлое стаскивание Скобелева*. — Скобелев Михаил Дмитриевич (1843—1882) — генерал; отличился в войне с Турци-

ей в 1877—1878 г. под Плевной и в сражении при Шейново. Памятник находился на Скобелевской площади (теперь это — Тверская площадь); установлен был в 1912 г. по проекту П.А. Самонова. Речь идет о сношении памятника в 1918 г.

Май

Стр. 63. *Цетлин* Михаил Осипович (1882—1945) — поэт и прозаик; в эмиграции был фактическим редактором отдела поэзии парижского журнала «Современные записки», в котором печатался Бунин. Редакторами были Фондаминский (Бунаков) Илья Исидорович (1880—1942) и Вишняк Марк Вениаминович (1883—1976), журналист.

Гершензон Михаил Осипович (1869—1925) — историк литературы и общественной мысли; автор книги (совместно с Вяч. Ивановым) «Переписка из двух углов». Пг., 1921.

Эренбург Илья Григорьевич (1891—1967) — поэт, прозаик и публицист, автор мемуаров «Люди, годы, жизнь».

Инбер Вера Михайловна (1890—1972) — поэтесса.

Фриче Владимир Максимович (1870—1929) — комиссар по иностранным делам при Моссовете до переезда в Москву Совнаркома и Наркоминдела; литературовед.

Лариса — Рейснер Лариса Михайловна (1895—1926), писательница, сотрудничала в газете «Новая жизнь»; работала в посольстве в Афганистане и написала книгу «Афганистан» (1925).

Коган Петр Семенович (1872—1932) — критик.

Стр. 64. *Немцы мордуют раду*. — Центральная рада украинская — возникла в Киеве в марте 1917 г. Ею руководили М. Грушевский, В. Винниченко, С. Петлюра и др. С июля 1917 г. Центральная рада создала правительство. В декабре 1917 г. Центральная рада пала. Возвратилась к власти с помощью австро-германских войск, которые в феврале 1918 г. оккупировали почти всю Украину.

...на курьей ношке. — Ношка — старинное «межа».

Стр. 65. *Зоя* — Шрейдер Зоя Евгеньевна, жена художника Шрейдера.

Каменские. — По-видимому, Каменский Анатолий Павлович (1876—1941) и Каменская О.А., с которой Бунин встречался на Капри в 1910 г.

Чулковы — Чулков Георгий Иванович (1870—1939), писатель; в 1917 г. издавал газету «Народоправство».

Койранские. — Койранский Александр Арнольдович (1884—1955), художник и поэт; печатался в альманахе «Гриф». Бунин встречался с ним также в Одессе, в частности в редакции газеты «Южное слово», они оба были ее сотрудниками.

Щепкина-Куперник Татьяна Львовна (1874—1952) — писательница, переводчица.

Стр. 66. ...переворот на Украине... — Немецкие оккупанты разогнали Центральную раду. 29 апреля 1918 г. создали «правительство Украинской державы» во главе с генералом П.П. Скоропадским, которого они объявили гетманом Украины.

Мирбах Вильгельм (1871—1918) — с апреля 1918 г. посол Германии в Москве.

Тирпиц Альфред фон (1849—1930) — германский гросс-адмирал.

Лидин Владимир Германович (1894—1979) — писатель.

Ходасевич Владислав Фелицианович (1886—1939) — поэт, критик.

Копылова Любовь Федоровна (1885—1936) — писательница.

Шкляр Николай Григорьевич (1876—1952) — писатель, участник литературного кружка «Среда».

Толстой злой на меня за «Элиту»... — В «Истории Москвы» (т. VI, кн. 2, изд. Академии наук СССР, М., 1959) сообщается: «В 1918—1919 гг. на Тверской, на Петровке, на Кузнецком в нескольких кафе («Домино», «Стойло Пегаса», «Десятая муза», «Бом», «Элита», «Красный петух», «Кузница», «Кафе футуристов» и т.д.) каждый вечер выступали поэты со своими произведениями, импровизациями, происходили литературные диспуты и пр.». В автографе слово «элита» читается не совсем уверенно.

Стр. 67. ...*Арсик — плачет...* — 1 мая ст. ст. 1918 г. скончалась Варвара Владимировна Пащенко, в которую в юности был страстно влюблен Бунин; она вышла замуж за Арсения Николаевича Бибикова. После кончины Варвары Владимировны он сделал записку:

«Похоронил я ее на Новодевичьем кладбище, как войдешь в ворота — направо в дальнем конце, но не в самом углу» (*РГАЛИ*, ф. 2321, оп. 1).

Пащенко является прототипом Лики в романе «Жизнь Арсеньева».

У Пащенко и Бибикова была дочь Милица, в тринадцать лет она заболела туберкулезом, ее отправили в Давос; в войну отец забрал ее из санатория; по пути из Швейцарии она скончалась, по видимому, в Стокгольме. Арсений Николаевич, писала В.Н. Бунина, «заказал большую фотографию дочери на смертном одре в церкви. В «Безумном художнике» эта фотография в измененном виде описана» (М у р о м ц е в а - Б у н и н а В. Н. Жизнь Бунина. Беседы с памятью. М., «Советский писатель», 1989, с. 145).